

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

МЯТЕЖ

Александр Николаевич Афанасьев

Мятеж

Серия «Бремя империи», книга 8

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2979575
Александр Афанасьев. Мятеж: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53946-8*

Аннотация

Начало двухтысячных годов...

По миру прокатилась волна громких политических убийств. И если президент САСШ чудом избежал смерти, спасенный русским разведчиком и дипломатом князем Воронцовым, то русскому императору, афганскому королю, польскому царю и персидскому шахиншаху повезло меньше. Вслед за терактами в царстве Польском начался бессмысленный и беспощадный бунт. И во всех этих событиях так или иначе замешаны британские агенты. Казалось бы, убийства первых лиц государств и мятеж в Польше – это звенья одной цепи, но не все так просто. Польский граф Ежи Комаровский, потерявший во время этих кровавых событий отца, решает разоблачить предателя, чтобы отомстить за гибель родного человека и... предотвратить политический кризис мирового масштаба!

Содержание

3 июля 2002 года	4
4 июля 2002 года	30
Ночь на 3 июля 2002 года	54
7 июля 2002 года	93
9 июля 2002 года	107
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Александр Афанасьев

Мятеж

Это наш день, мы узнали его

По расположению звезд.

Знаки огня и воды,

Взгляды Богов...

И вот мы делаем шаг

На недостроенный мост.

Мы поверили звездам,

И каждый кричит – я готов!

Виктор Цой

3 июля 2002 года
Варшава, царство Польское
Старэ Място

Хвала Йезусу, еще не все общественные кабины были разграблены озверевшим быдлом.

Десять гудков – каждый отдается в груди ударом сердца.

– Стрелец.

Мелодия русского гимна – волнующая, величественная.

Только Россия может прекратить все это безумие.

– Слушаю вас, Стрелец.

– Здание штаба Висленского военного округа взорвано,

похоже на взрыв на набережной, очень сильный, часть фасада обвалилась, но коробка цела. Здание штаба Варшавского военного округа цело, над ним красно-белый флаг.

В трубке – слышимость отличная – раздается скрип пера по бумаге.

– Принято, дальше.

– На мосту Александра Четвертого – пост ВНОС¹. Не менее десяти человек, у них приборы наблюдения и как минимум два переносных ЗРК. На основных улицах – бронетранспортеры, боевые машины пехоты, опознавательный знак тот же самый – бело-красный флаг или флажок. Русло над Вислой простреливается, если вертолеты с десантом пойдут там – они попадут под перекрестный огонь. На крышах – посты наблюдения, возможно тоже с ПЗРК. Больше ничего установить не удалось.

– Принято. В городе есть полиция?

– Если где-то и сопротивляется – то я этого не видел. На улицах расстрелянные полицейские машины, повешенные полицейские.

– На улицах много гражданских?

– Достаточно, никто не работает. У многих оружие, раздают спиртное.

– Хорошо. Сообщаю вам пароль – эхо, повторите.

– Эхо².

¹ Воздушное наблюдение, оповещение, связь.

² Это слово звучит одинаково на многих языках.

– Верно. Приказываю воспользоваться паролем, если вы столкнетесь с казаками или частями воздушно-десантных войск. Но будьте осторожны, мы не смогли сообщить этот пароль всем.

– Вас понял, эхо.

– Следующий сеанс связи – завтра в одиннадцать ноль-ноль по вашему часовому поясу. До этого момента – приказываю выжить.

– Вас понял.

Полковник кашлянул.

– Удачи...

– Удача нужна неудачникам. Нам нужна победа, – ответил граф.

Так отвечал обычно на пожелание удачи командир их полка.

Положив трубку на рычаг, он быстрым шагом пошел прочь, свернул во двор, там побежал, высматривая, где бы найти хороший наблюдательный пункт. Нашел его – одна из подъездных дверей старого дома была распахнута настежь, очевидно – после грабежа. Граф, крадучись, держа руку на пистолете, вошел в парадное, поднялся на первый этаж – мутное, из цветного стекла остекление выходило на улицу, глянул – и отшатнулся.

Совсем недалеко от телефонной кабины, откуда он звонил, стоял большой белый фургон. Когда он подходил звонить, его там не было.

Значит, кто-то все же сохранил порядок в этом хаосе и бардаке. Еще немного – и его бы взяли. Надо быть осторожнее.

* * *

В районе Саска Кепа, куда он добрался пешком, граф угнал машину. Это был старый и дряхлый универсал «Фиат-1500» с глухими боковинами кузова, когда-то производившийся здесь по лицензии, настолько старый и дряхлый, что на него никто не обращал внимания. И противоугонки на нем не должно быть, а если и была, то несложная. Кому нужна такая рухлядь? Какое-то время он шатался рядом, осматриваясь. У старых машин этого типа была поворотная форточка, на ней замок, простенький, который приклеивался к стеклу. Чтобы открыть поворотную форточку, достаточно было некоторое время греть это место, хотя бы зажигалкой – а потом сильно надавить. Граф так и сделал, просунул руку, дотянулся до замка и открыл дверь. Здесь, на окраине, народа было немного, все спешили в центр, и на него особо внимания никто не обратил.

Ключи он нашел, как и ожидал, за солнцезащитным козырьком – машина была служебная, принадлежала какой-то фирме, торгующей продуктами. Такие обычно не сильно бегут, страхуют от угона и все.

Двигатель завелся сразу.

Хоть он и мало имел опыта в таких делах – граф все равно сделал то, что и следовало сделать. Пистолет передвинул на живот, заткнув за ремень, чтобы можно было выхватить и сразу стрелять. Автомат со снятым предохранителем – здесь он маленький и менее удобен, чем у калашникова, хотя боемский скопирован с него – граф положил себе на колени так, что ствол опирался на опущенное почти до предела боковое стекло. Левую руку он положил на руль поверх ствола – чуть неудобно, но зато она не дает стволу соскользнуть, и если придется стрелять, левая рука зафиксирует ствол автомата, сделав стрельбу относительно точной. В таком виде – а так ныне в Варшаве многие ездили – он выехал к своему поместью.

* * *

«Фиат» он остановил, когда до поместья оставалось километра три, свернул с дороги и немного отъехал, чтобы не оставлять машину на виду. Тут была лесополоса, потом поле, а потом начинался большой парк.

Перед уходом – он сунулся ради интереса в багажное отделение машины и с удивлением обнаружил там кондитерские изделия. Машина, видимо, принадлежала фирме, которая торговала сделанными вручную пирожными и тортами на заказ и с доставкой их заказчикам. Нормально поесть в последнее время ему никак не удавалось, кусок булки –

не еда... Он с подозрением принялся, мазнул пальцем – вроде еще не испортились. Следующие двадцать минут граф занимался тем, что набивал желудок – военные никогда не отказываются от съестного, потому что черт его знает, когда возможность поесть представится еще. Он умял несколько пирожных с яичным кремом и больше половины торта, предназначенного для какого-то именинника – только тогда почувствовал себя насытившимся. Жаль – но торт это такая вещь, что с собой его взять... затруднительно, но может, придется еще сюда вернуться. С этой мыслью граф тщательно закрыл и запер машину – и бодро пошел лесополосой, не выглядывая ни в поле, ни на дорогу.

Лесополоса была польской, даже европейской – чистенькая, не такая, как в России. Все дело в том, что в Европе топят собираемым валежником, а в России просто рубят деревья на дрова, а валежник никто не убирает. Почти сразу на пути ему попала лиса – лис здесь было много, они были сытыми и наглыми, потому что выходили питаться к дороге выброшенными объедками и еще умудрялись открывать крышки и растаскивать мусорные контейнеры, тоже в поисках съестного. Увидев человека и учуяв металлический запах оружия и оружейной смазки, лиса недовольно фыркнула и неспешно потрусилась прочь. Переждет, отлежится в поле – и опять выйдет к дороге.

Лиса-лисичка, лиса-сестричка.

Старый Бронислав хоть и был охотником и егерем, но он

учил молодого графа любить природу и не разорять ничего без необходимости, будь то муравейник в лесу, птичье гнездо или целая страна, где ты живешь. Жаль, что на каждого в детстве не нашлось своего Бронислава.

Лесополоса перешла в парк – и это было заметно, деревья одного роста, посаженные по линейке, уступили место столетним великанам и молодой поросли. За парком никто не ухаживал, у Бронислава и еще двоих слуг хватало сил только на участок перед домом – и парк превратился в лес, росший, как ему вздумается.

С графом Ежи Комаровским в этом лесу не стоило связываться. Даже очень подготовленный человек, скорее всего, проиграл бы схватку – потому что граф вырос в этом лесу, на летних каникулах он жил в нем, знал все его тайные тропы и всех его жителей. А другие люди, кроме Бронислава, – были в этом лесу чужими.

Первого он обнаружил на самом краю леса, тот отошел облегчиться. Граф его никогда не видел – здоровый дурномясый детина, но повязка на рукаве сказала ему все, что он хотел знать.

Прислонив винтовку к дереву, детина снял штаны и присел. Облегчился, подтерся лопухом, протянул руку за винтовкой – а винтовки уже не было. Обернулся, еще толком не застегнув штаны, – и получил страшный удар по голове, от чего свалился прямо в оставленную им кучу.

Стараясь не дышать, граф наскоро обыскал его, пистолета

не было, но обнаружили два ножа, оба складные и по виду новые, небольшой светодиодный фонарь, тоже новый, запасная обойма для винтовки и несколько пачек хороших целевых патронов. Конечно же, богемские Селье и Бело, другого ждать глупо. Покончив с обыском, граф отпорол с его штанов достаточной длины и ширины полосу ткани и связал не пришедшему в себя детине руки. Потом оторвал еще одну полосу – и связал ноги. Третьей полосой он завязал ему рот – скверно! – но и так сойдет. Потом он, поднапрягшись, перекатил здоровенную тушу в сторону – все-таки человек, и лежать ему в дерьме не стоит.

Потом он осмотрел трофейную винтовку. Богемская, ZK381, целевая, под русский патрон от «мосинки». Специальная, русского заказа, потому что ложе сделано спортивным, массивным, по типу Драгунова, как сейчас и «токаревки» и «федоровки» переделывают для единообразия. Винтовка была тяжелая, больше четырех килограммов – но это для точной стрельбы и хорошо. Прицел – германский, оптический, остается надеяться, что не сбитый – пристреливать негде и некогда. Обойма на десять патронов.

Да, времени совсем нет. Рано или поздно эти задумаются над тем, куда делся отошедший облегчиться подельник. И пойдут в лес.

С этими мыслями граф побежал влево. Быстро побежал, надеясь, что нужное ему дерево еще уцелело и Бронислав не нарушил его конструкцию, над которой он корпел целое ле-

то. Но нет – старый кряжистый дуб не рухнул, для него десять лет – не время, он все так же стоял, могучий и непоколебимый, и, увидев его... то ли ветерок дунул, то ли это дуб зашевелил листьями, приветствуя молодого хозяина. Там, в переплетении ветвей, было сооружено что-то вроде платформы с крышей, скворечник, только размером на порядок больше обычного. Здесь молодой граф Ежи прятался от отца, когда тот был чем-то недоволен и его пятой точке угрожало широкий солдатский ремень. Здесь же он читал книги – ну, не в пыльной библиотеке же их читать, не так ли? Сюда он привел первую паненку, которая ему понравилась, – а она отказалась лезть на дерево и сказала: «Дурак».

А теперь он пришел сюда с пистолетом, автоматом и снайперской винтовкой. Пришел – чтобы отстоять свой дом от бандитов...

Ноги привычно нашли углубления в коре – Бронислав запретил вбивать в дерево гвозди, и лазать пришлось так, руки привычно подтягивали его к платформе. Она заскрипела – заброшенная, засыпанная листвой и сломанными ветками, но выдержала.

– Вот я и вернулся домой... – сказал сам себе граф Ежи.

Пистолет на животе был совсем не к месту, он убрал его в карман, потом, подумав, засунул за пояс сбоку – из кармана может выпасть. Автомат он так и оставил висеть за спиной – сейчас он ему не нужен. Винтовку угнездил на ветку так, что стрелять придется с колена, отсоединил магазин, попробово-

вал – полон, патрон вроде нормальный, не замятый. Пружина в магазине тоже нормальная, задержки быть не должно...

Поместье, судя по виду, уже разграбили – все окна нараспашку, какие-то и выбиты – но следов пуль и крови на стенах нет. Парадные двери – тоже нараспашку, но не выломаны, а просто распахнуты. У ступеней лестницы пофыркивает мотором тяжелая бортовая «Татра», по виду – загруженная добром. Комаровские вообще-то никогда особо богатыми не были, но если взять иконы... старую мебель... коллекцию оружия еще со Средних веков, обязательную для любого военного аристократа, фарфор, столовое серебро...

Пожалуй, немало наберется.

В прицел он пока видел троих... двое с оружием, такой же, как у него, автомат и небольшой пистолет-пулемет, у третьего оружия не было вовсе. Они стояли около машины и чего-то ждали, двое курили, третий, возможно, самый опасный – посматривал по сторонам.

Машина, наверное, уже загружена.

Интересно, а их поместье, поместье польских шляхтичей, они грабят как чье? Как жидовское? Или как поместье русских оккупантов?

Наверное – все же второе.

Граф Ежи попытался понять, что произошло в доме – но прицел, хоть и увеличивал в восемь раз, не давал возможности заглянуть через стены. О том, что могло произойти, лучше даже не думать...

Загадка, чего ждали эти трое, разрешилась просто – из распахнутых дверей вышли еще двое, оба с оружием. Один из них нес то, что граф опознал как старинную музыкальную шкатулку немецкой работы, остававшуюся у них в семье на протяжении поколений. А что – тоже добыча, на каком-нибудь аукционе антиквариата хорошо пойдет.

Тот, у которого была шкатулка, отнес ее куда-то – граф не мог понять куда, куда-то за «Татру». Потом вернулся оттуда же с ведром и палками. Разобрав палки, грабители начали накручивать на них паклю. Ведро ждало своего часа.

Поджечь хотите, ублюдки? А что там говорил Бронислав – не разоряйте ничего без нужды. Когда вы грабили, я еще думал – стоит или нет. Но вы не просто грабители – вы жжете и разоряете, чтобы люди большие не могли жить в этом доме. Значит – вы заслужили то, что с вами произойдет, по праву заслужили.

Дождавшись, пока грабители соорудят факелы и подожгут их, Ежи выстрелил.

Винтовка толкнулась в плечо плавно, плавнее, чем «драгуновка», она и весит-то больше, изображение в оптическом прицеле на мгновение смазалось – а когда восстановилось, стало понятно, что произошло.

Он целился в грудь тому, которого определил как самого опасного, но незнакомая винтовка снизила, и пуля попала в живот. Согнувшись от нестерпимой боли, пронзившей внутренности, бандит ткнул горящим факелом в ведро – и тут

полыхнуло жирным, чадным пламенем.

Поняв, что винтовка низит, граф открыл огонь по остальным, плохо видя, что происходит из-за бушующего чадного пламени. За пять секунд опустошив магазин, он присоединил второй, заранее снаряженный, и взял на прицел распахнутые двери, они еще были видны, дым их не скрыл. Если кто-то рванется с факелом туда – он его срежет на ступенях.

Но произошло то, чего он не ожидал: взвыл на высокой ноте мотор – и без прогрева по дороге рванулся, набирая ход, открытый армейский тентованный внедорожник. Разгонялся он плохо, граф повел винтовкой, прикидывая упреждение. Выстрел – мимо, выстрел... кажется, есть, нет, все еще едет, выстрел...

Готов...

Гул мотора оборвался, машина проехала еще сколько-то по посыпанной щебнем подъездной дорожке, уже неуправляемая, – и остановилась.

Какое-то время светлейший пан граф просто стоял на колене, замерев и внимательно наблюдая за тем, что происходит, в прицел винтовки. Здесь – побеждает терпеливый. Возможно, кто-то засел за машиной и ждет, держа в руках автомат или винтовку, ждет, пока кто-то не шагнет под его прицел. Или кто-то может быть в доме, сколько он будет ждать так? Все равно – или сбежит, или выйдет...

И попадет ему на прицел.

Но никто так и не вышел. Отгорел подожженный мазут –

хвала Йезусу, лето было с дождями, трава не высохла, иначе бы полыхнуло и до дома добралось бы. Но самое главное, стали видны тела, в беспорядке лежащие около кострища...

Один, два, три... четвертое было даже не похоже на человеческое, так, черная, дымящаяся, бесформенная грудa на подгорелой лужайке.

Плюс пятый в остановленной машине. Все?

Если только никого не оставалось в доме... вряд ли, кстати, ведь они поджигать собирались. И если тот, кто был в том внедорожнике, не сделал вид, что погиб, чтобы подловить его, притаившись в машине с автоматом на изготовку.

Если бы было время, граф Ежи так и сидел бы тут, на дереве, до темноты. Но времени не было...

А потому он распечатал пачку с патронами, неспешно наполнил магазины. Потом снова внимательно осмотрел в прицел все, что было перед домом – окна дома, машины. Потом начал спускаться. Проскользнула нога, когда спускался – оно и понятно, железом обвешан, как...

Все равно не к добру.

Тот, кого он обезоружил и связал, сумел развязать ноги и принять сидячее положение – но дальше развязываться то ли не смог, то ли не захотел. Так и сидел, лупая испуганными глазами на подошедшего графа.

Ежи не сразу решил, что с ним делать. Потом, приняв все-таки решение, перекинул винтовку за спину, взял в руки автомат – у связанного это вызвало новый прилив страха,

обошел задержанного, дернул за узел, которым связывался кляп. Руки пока он решил не развязывать.

– Что сидишь?

– Так боязно же, светлейший пан...

– О как заговорил... А когда меня грабил, не боязно было?

Когда поджигать решили – тоже не боялись.

– Так не было ж тут никого. А там сказали...

О том, кто и что сказал, незадачливый грабитель решил благоразумно умолчать.

– Тебя как звать-то, каторжник? – ласково спросил граф.

– Та Лехом отец назвал.

– Ну... значит, будем знакомы. А я – граф Комаровский, хозяин этого дома, парка, земель окрестных. Думали – хозяйина нету уже? Кто вас навел?

– Та пан Боровичный сказал, тут все на разграбление отдается...

Эта фамилия графу Ежи ничего не говорила.

– Кто такой пан Боровичный?

– Та с Варшавы приехал... голова новый в воеводстве.

– О как! И он тебе лично сказал – вот тебе, Лех, на разграбление поместье Комаровских. Так?

– Да не, не...

– А как?

– Ну... честь по чести. На управе списки вывесили, что конфискуется в пользу Речи Посполитой. Там не один ваш дом был, пан граф.

– Спасибо, утешил. Это значит – теперь пан глава воеводства решает, чьи дома можно грабить, а чьи – можно и погодить. Весело, ничего не скажешь, весело. А старого пана – главу воеводства куда дели?

Лех не ответил, но все было понятно.

– Убили. И полицейских – тоже убили, чтобы грабить не мешали, так? Ну а я вот – офицер лейб-гвардии и по присяге должен за порядком следить, и коли что где к убытку Его Императорского Величества происходит – это предотвращать по мере сил и возможностей. А это все, что вы творите, разве не убыток? Ну и что мне с вами делать, разбойниками?

Лех опустил повинную голову.

– Не убивайте, светлейший пан граф, – только и смог выдать из себя он.

– Не убью. А ты опять грабить да разбойничать пойдешь?

– Истинный крест, не буду! Истинный крест, не буду, светлейший пан граф!

Если бы мог, Лех бухнулся бы на колени.

– Да ты не божись, не божись... – досадливо проговорил граф Ежи.

Как же легко все-таки люди становятся зверьми! Как дьявол вселяется, не иначе. Вот когда вывесили эти списки на ратуше³ – кто что подумал? Что можно поживиться. И многие так подумали и пошли. С оружием, с факелами, с маши-

³ Мэрия.

нами. Листка бумаги, подписанного неизвестно кем и вывешенного на ратуше, – вполне хватило, чтобы люди превратились в зверей.

А что будет дальше – о том не подумали? А не подумали, как придется жить, когда будет разграблено все, что можно разграбить? Не подумали о том, что тогда начнут грабить и убивать друг друга, потому что закон защищает всех, а беспредел не защищает никого? И долго ли можно прожить грабежом? Когда кончится то, что можно грабить в Речи Посполитой, кто куда пойдет? В Австро-Венгрию? В Германию? Может быть, на Россию набегом, как в старые времена? И далеко ли так уйдете?

А никто не подумал, что беспредел, он всегда в две стороны работает? Что, если они взяли машину, чтобы вывозить награбленное, и взяли факелы, чтобы поджигать, то кто-то точно так же может взять в руки снайперскую винтовку, чтобы защитить свой дом? И колебаться не будет, потому что теперь дозволено все и прав тот, кто первым успел выстрелить? Или думали, что беспредел, он вас не коснется?

Да нет, шановны паны! Тот, кто вступил на путь беспредела, тот, кто начал жить по его законам, – тот и сам должен быть готов в любую секунду стать жертвой беспредела! Вот так вот – и никак иначе.

– Ты мне скажи, пан Лех... Убивал ты кого-нибудь? – спросил граф.

– Истинный крест, нет!

– А не брешешь? В глаза мне смотри!

Лех и впрямь смотрел в глаза графа, как побитая собака. Такие люди бывают – это просто дураки, живущие по принципу: все пошли – и я пошел. Все пошли грабить – и я пошел. Все пошли убивать – и я пошел. А потом получается еще, что они во всем и виноваты, потому что ума у них – на грош медный. Если в государстве порядок, то такие люди так и живут тихой законопослушной жизнью. А если нет...

– Не брешу! Истинный крест, никого не убивал, пан граф!

– А женщину? С женщиной вы что сделали? В глаза смотри!

– Какой женщиной, пан граф?

– Тут женщина была! В доме!

В глазах Леха просквозило удивление.

– Какая женщина?

– Молодая! Не прикидывайся!

– Та не было тут никого, пан граф. Дом-то пустой был совсем, никого и не было. Ничего мы не делали ни с какой женщиной, вот вам истинный крест!

Граф Ежи прикинул – следов перестрелки он не видел. А оружие в доме было. Это могло оказаться правдой.

– Сиди тихо. Не дергайся.

Ежи достал один из двух трофейных ножей, заодно подивившись его удобству, полоснул по тряпке, связывающей руки.

– Сколько вас было? Не считая тебя?

– Шестеро... нет, без меня пятеро, пан граф.

– Кто?

– Да местные все... Один только... из Варшавы.

– Вставай. Идешь впереди меня, и ни звука. Если перестрелка начнется – падай и лежи ничком, пока все не кончится. И не пытайся сбежать. Как я стреляю – ты сам видел. А если не видел – то и не приведи Господь тебе это увидеть. Да... и оботрись чем-нибудь. Воняет от тебя... сил нет, хоть не дыши.

К дому они вышли, прикрываясь деревьями. Можно было подойти почти к самому крыльцу, не подставляясь под прицел. Заставив Леха отойти подальше и залечь, граф Ежи, прячась за деревом, долго смотрел на пространство между домом и мирно стоящей груженной «Татрой», пытаясь уловить хоть малейший признак движения. Движения не было.

Граф перешел поближе к Леху:

– Значит... видишь машину?

– Какую?

– Большую, ты совсем дурной?

– Да не...

– Побежишь сейчас до нее. Оружие не хватай, как добежишь – становись у борта с моей стороны. Если схватишь оружие или попытаешься скрыться – стреляю на поражение, понял? Если сделаешь все, как я сказал, – слово чести, отпущу живым. И жди меня, все понял?

– Та понятно, пан граф.

– Тогда... три-два-один... пошел!

По сути, граф Ежи сейчас пользовался пленником, как живой приманкой, – но ничего подлого в этом не было. Во-первых, это не он пришел грабить и поджигать, это к нему в дом пришли грабить и поджигать. Во-вторых, если Лех сказал правду и незваных гостей, считая его, было только шестеро – значит, ему ничего не угрожает. Ну а если он и на этот раз солгал – значит, получит то, что заслужил.

Лех бежал неуклюже, как медведь, шумно, схватить оружие он даже и не пытался. Добежав до машины, он встал около нее и обернулся, словно ожидая приказа, что делать дальше.

Ничего. И никого. Не прогремел выстрел, не полетела граната.

Выждав немного, снова сменив винтовку на автомат, вперед пошел и граф Ежи – осторожно, прижимаясь к стене. И в него никто не выстрелил. День клонился к закату, на лужайке, где обычно праздновали его день рождения, омерзительно воняло солярой и горелым мясом.

– Иди сюда! Иди в дом!

В вестибюле перестрелки не было, значит, почти наверняка Лех сказал правду. Бронислав скрылся, увел с собой слуг и Елену. И правильно сделал – против шестерых налетчиков они не смогли бы ничего противопоставить.

– Пошли обратно!

Вместе они подошли к большой груженной машине.

– Ну, что? Я сам должен все это таскать? Складывай в вестибюле и аккуратно, ничего не сломай!

Пока Лех, надрываясь и сопя, упорно таскал разграбленное обратно в дом, граф Ежи собрал все оружие, какое тут было. Он стал обладателем еще одного автомата, почти такого же, как у него, только с деревянным прикладом, двух пистолетов, «орла» и «кольта», американского, но под наш патрон, русского заказа, пистолета-пулемета, маленького и очень удобного, называющегося «Скорпион» с несколькими длинными магазинами и таким же прицелом, как на его автомате. У последнего была диковинная винтовка – североамериканская M25⁴ с хорошим прицелом, – но под патрон североамериканского же образца, непонятно откуда здесь взявшаяся. Заглянул он и в кабину «Татры» – но все оружие было на руках, там ничего не оставалось. Все то, что ему удалось найти, он оттащил на лужайку, подальше от дома и от Леха, трупы пока решил не трогать и к расстрелянной машине не подходить. Потом он просто сидел, прикрываясь машиной, и смотрел, как Лех таскает вещи обратно в дом.

– Готово... пан граф, – наконец объявил тот, тяжело дыша.

– Это хорошо. Машина – чья?

Лех показал пальцем на одного из застреленных.

– Вот этого.

– А ключи?

⁴ В нашем мире тоже была, в конце сороковых.

– У него же.

– Забирай.

Незадачливый грабитель перевернул труп, порылся в карманах, достал ключи, протянул их графу Ежи.

– Зачем они мне? Машина теперь твоя. Бери машину и сматывайся, пока я не передумал. И помни, какое обещание ты мне дал – не грабить и не убивать. Если нарушишь – рано или поздно ляжешь, как эти. Беги к русской границе, поверь моему слову, теперь там безопаснее всего.

Когда «Татра», фыркая мотором, выехала с поместья и скрылась за деревьями, граф Ежи посмотрел по сторонам, потом на трупы. Горелым мясом воняло нещадно, но лучше их оставить тут. Если кто еще захочет поживиться – пусть знает, чем это может кончиться... да и зверью лесному тоже надо чем-то питаться. Лисы за пару ночей до костей обглодают, а хоронить этих у него не было ни сил, ни времени, ни желания.

Потом он решил посмотреть, что с той машиной, которую он остановил точными снайперскими выстрелами. Держа пистолет наготове, он приблизился и...

Да, безрадостное зрелище...

Третья пуля попала грабителю точно в шею в районе третьего позвонка сбоку, перебив артерию и повредив позвоночник. Кровью было залито все – руль, приборная панель, сиденье, ветровое стекло. На полу, на коврике, скопилась лужа крови, потому что погибший водитель машины навалил-

ся на руль и вся кровь стекла вниз.

Граф Ежи вытащил покойника из машины, стараясь не запачкаться... и отметил, что, похоже, это и есть тот тип, про которого Лех говорил, что он из Варшавы. О том же свидетельствовала и его реакция... Прикрывшись дымом, он сумел выйти с линии огня, завести машину и рвануть... если бы винтовка не низила, скорее всего, ушел бы, потому что пригибался как можно плотнее к рулю, а из-за брезента его не было видно, и стрелять приходилось наугад. Об этом говорило и то, что он был в форме без знаков различия и на нем был разгрузочный жилет. Их и в тюрьме разгромленной раздавали, но все же. А еще – наличие рации, единственной на шестерых. Об этом, наконец, говорило его оружие – «Скорпион», на вид почти новенький, но был и прицел, комбинация фонаря и лазера, и глушитель. Самый настоящий, не самодельная банка, а заводской...

Обыскав карманы, граф нашел документы – паспорт на имя некоего Скидельского и удостоверение на то же имя. Удостоверение свидетельствовало, что пан Скидельский служит в безопасности⁵ Армии Людовой. Оно-то и было наиболее любопытным – самое настоящее удостоверение, мало того, что заламинированное и явно отпечатанное в типографии – так еще и с QUERTY-кодом, с помощью которого можно через лазерный сканер прочитать всю нужную информацию. Такое нельзя подделать ни за день и ни за два,

⁵ Службе безопасности.

это следовало подготовить заранее, и саму Армию Людову, и такие вот удостоверения.

Документы граф Ежи сунул в карман, снял с покойника жилет и забрал оружие – такое ему еще пригодится. Потом отрезал от рубашки покойника чистый кусок и попытался хоть немного навести порядок в машине, в результате этого сам перемазался так, что стал похож на вернувшегося с ночной охоты вампира. Полный крови коврик пришлось просто выкинуть, труп он оттащил с дороги.

Потом Ежи попытался завести машину – и машина завелась «с полтычка», по двигателю он специально не бил. Уже собравшиеся мухи буквально обезумели, лезли в нос, в глаза – но он все же отвел машину туда, куда приметил заранее, замаскировав ее за беседкой. На всякий случай, пусть там будет – с дороги не видно, если специально не искать и... мало ли. Закрыв машину и забрав трофеи, граф пошел обратно к дому, чувствуя, как чужая кровь стягивает кожу на руках и на лице.

* * *

Все оружие он отнес домой и проверил, в каком оно состоянии – пришлось чистить и приводить в порядок, бандиты уходом за оружием себя не утруждали. Все это он проделал в кухне, там же вымыл руки от крови и грязи – жить сразу стало приятнее. «Скорпион» он решил взять себе в каче-

стве основного оружия, поскольку из него можно стрелять с одной руки, второй ведя машину, и на него есть глушитель, что тоже немаловажно. Их у него оказалось два, тот, что был у пана Скидельского, почти новый – девяносто девятый год выпуска. На него он переставил коллиматор и получил почти идеальное оружие для ближнего боя: легкое, скорострельное, бесшумное.

Потом граф прошелся по дому. Все вывернуто вверх дном – искали ценности. Ни в одной из комнат – ни крови, ни следов от пуль. Ни единой вещи Елены. Значит, Лех сказал правду, когда они пришли – Елены тут уже не было.

Интересно... а этот пан Скидельский знал, куда они идут? Скорее всего, знал – пока эти грабили, он мог искать что-то другое.

Вот и нашел – свою смерть.

Зашел в комнату Бронислава – тут не искали, понимали, что это комната слуги, тут ценностей быть не может. Наскоро обыскал сам – ничего, ни записки с указанием, где они есть, ничего. Сунув на всякий случай пистолет под матрац, он вернулся на кухню.

Оружие он распределил по всему дому. Автомат с деревянным прикладом – спрятал на крыше, в тайнике, который был известен только ему. Из него можно будет – если так припрет – вести огонь через слуховые окна: это автомат, далеко достает. «Скорпион» с одним запасным магазином – второй, который ему не был нужен, – оставил в одной из ком-

нат. Еще в одной комнате в ящике старинного комода оставил пистолет. А заодно закрыл и запер все окна и двери, какие ему попадались открытыми.

Североамериканскую автоматическую винтовку он завернул в сорванное с кровати покрывало, вынес из дома и спрятал в лесу, как раз на той самой платформе, с которой вел огонь, прикрыл куском клеенки с кухонного стола, придавил края клеенки, чтобы ветром не сорвало, а потом еще и присыпал листьями и ветками. Пусть будет тут, на всякий случай. Пройдя еще чуть дальше, в известном ему дупле спрятал также обернутый в ткань и клеенку еще один автомат с боезапасом.

Если придется сюда возвращаться – он будет знать, где что лежит. И пусть его кто попробует взять... в этом лесу.

Потом он вернулся в дом, нашел кусок фанеры и карандаш и написал плакат, который повесил на входной двери. На плакате этом он написал по-польски и по-русски то, что обычно пишут на ограждении особо охраняемых объектов:

«Стоять! Запретная зона! Ведется огонь на поражение!»

В сочетании с трупами – должно произвести впечатление. Время клонилось к закату, солнце садилось за деревья, заливая их верхушки оранжево-красным светом, а у графа Ежи только теперь выдалась минутка, чтобы поужинать. Холодильник, слава Йезусу, работал, и кое-что там оставалось. Примитивная еда, хозяева здесь почти не бывали – но дру-

гой и не надо. Сыр только зачерствел... ну да ладно. Не до жиру, как говорится.

За едой ему пришла в голову мысль, которую он немедленно реализовал. На куске оберточной бумаги от сыра он написал карандашом: «Я жив и здоров, был здесь», поставил число и отнес это в комнату Бронислава. Подписался не именем, а странным знаком, похожим на крест – он его изобрел в детстве и подписывался так. Кому надо – тот поймет.

В доме он решил не ночевать – мало ли. Лучше в лесу... там спокойнее. Прихватив с собой все оружие, какое он решил взять, граф вылез через окно кухни и аккуратно прикрыл его.

Перед тем как залечь спать на еще одном старом и удобном дереве, он включил рацию, поставил звук на минимум, погонял по частотам. То, что там было, лучше бы не слушать.

Завтра... Будет новый день... будет и дело.

С этой мыслью граф Ежи заснул.

4 июля 2002 года

Рим, Итальянское королевство

Аэропорт Фьюмичино

Все то время, пока наш «Боинг» пересекал меридианы, приближаясь к Вечному городу, я спал. Спал, чтобы не думать, – думать было бессмысленно, слишком мало исходной информации. Из того, что у меня имелось, невозможно понять, что происходит. Для чего ко мне *подползли*? Попытка вербовки? Попытка наладить канал передачи дезинформации? Попытка превратить меня в агента влияния? Реальная попытка помочь? Может, они сами хотят предложить свои услуги русской разведке и выбрали такой необычный путь? Почему такая срочность и именно Рим? Короче, могло быть все, что угодно.

Что касается посла Пикеринга, то он сильно нервничал, хотя и старался этого не показывать. Выпил две бутылочки – маленьких, авиационных – калифорнийского «Шардонне» – это только на моих глазах, пока я не заснул. На рейсах североамериканских авиакомпаний вместо нормального вина подавали калифорнийскую кислятину, которую ни один уважающий себя джентльмен пить не станет, но посол не обратил на это внимания. Может, привык.

Проснулся, когда самолет делал круг над аэропортом, на-

ходившимся чуть в стороне от Рима. Под крылом тянулись какие-то безликие производственные зоны. Зевнув, я отвернулся от иллюминатора.

– Боюсь летать... – простодушно признался посол.

– Бывает... – неопределенно ответил я. – Когда нам выходить?

– Последними. Когда выйдут все. Нам подгонят машину.

Шасси лайнера коснулись полосы, жестко – именно так учили совершать посадку североамериканских летчиков. Даже тряхнуло...

Все это – и «Боинг» авиакомпании Пан-Америкен со специальным скрытым отсеком в хвосте, который тем не менее имел иллюминаторы, и этот перелет – меня не сильно радовало. Но делать нечего – приходилось играть теми картами, которые лежали на столе. Пусть их расклад был не лучшим.

На переборке, отделявшей отсек от основного пассажирского салона, зеленым огнем светофора замигала специальная лампа. Пора.

– Пора! – подтвердил и Пикеринг.

Прошли уже пустым салоном, в котором не было ни одной стюардессы – видимо, предупредили всех. Все указывало на то, что салон только что был полон – вскрытые упаковки сал-феток, недочитанный журнал из тех, что раздают в полете, остатки обеда на откидном столике. Эконом-класс...

– СИМ⁶ будет фотографировать.

⁶ SIM (Servizio Informazione Militare) – итальянская военная разведка. В нашем

– Ай, бросьте! – отчего-то с ноткой раздражения в голосе произнес Пикеринг. – Это обычный гражданский рейс, с чего бы его фотографировать? Кроме того, сейчас полдень и ни одного лентяя-итальянца не вытащишь с его законной сиесты. Вспомните нашего графа Джузеппе Арено. Лентяй и разгильдяй.

– И бабник, – заметил я.

– Увы, и бабник. Несмотря на то что женат – изрядный, совершенно нестерпимый бабник. Я уже имел с ним разговор по поводу моей дочери, которая прилетала на каникулы. Полагаю, я доходчиво объяснил ему, что в итальянском зяте не нуждаюсь, будь он даже и граф. Вы с ним тоже имели беседу? Ах да, у вас же резиденции рядом.

– Я ему просто намекнул. Думаю, он понял. Что же касается бесед, то мы, русские, в таком случае разговором не обходимся.

– Вы всегда слишком полагались на силу...

Можно было накинуть на голову пиджак, но, поразмыслив, я не стал этого делать. Так делают те, кто виновен, а я ни в чем не виновен и ни в чем не собираюсь быть виновным. Просто буду смотреть под ноги, наклонив голову, – вот и пусть опознают меня в таком ракурсе, если потребность возникнет.

Посол Пикеринг заметил это и улыбнулся...

Всего одна машина ждала нас у трапа – серая устаревшая

«Ланчия Тема», такие машины еще бегали по дорогам Италии, поскольку итальянцы вообще не слишком-то тянутся ко всему новому. Да и бронированных машин этой серии – как та, которую нам подали, – тоже было немало.

– Приходится пользоваться бронированными машинами, – пояснил посол, – даже обычному дипломатическому персоналу. Война против терроризма, чтоб ее.

– Какая в Италии война против терроризма?

– Здесь полно красных. Анархистов.

Клиника...

Выехав через служебные ворота, не предъявляя никаких документов, мы рванули, как я сумел определить, к кольцевой.

– Где назначена встреча?

– Нигде. Найдем место и дадим знать.

Разумно...

Остановились мы в одном из маленьких, типично итальянских городков – с курами на окраинах, с мощенной булыжниками центральной площадью, с католическим храмом, бог знает какого года постройки, с цветочными горшками на окнах, с веселой перебранкой итальянских кумушек. С трактиром, часть столов которой были выставлены прямо на площади и прикрывались потрепанными, пестрыми, выцветшими от солнца зонтами. Меня особенно порадовало, что посол Пикеринг предоставил возможность выбрать место встречи мне. Он отчетливо понимал, что, если место вы-

берет он, я буду соблюдать особую осторожность, полагая, что все вокруг напичкано камерами и микрофонами. Впрочем, даже если место встречи выбрал и я, это тоже не повод расслабляться.

Заказали пасту⁷ со специями, причем пасту здесь готовили вручную, как и во всех итальянских trattoriaх, и кувшинчик молодого вина с местных виноградников. Посол Пикеринг позвонил куда-то, и не с сотового телефона, которого у него, как и у меня, не было, а с местного, стационарного, испросив разрешения хозяина trattoria. Кстати – в кармане у Пикеринга оказались итальянские лиры, хотя в аэропорту или где-то еще он валюту не менял. Одно это говорило о хорошей подготовке встречи.

Дама припозднилась – появилась, когда мы уже прикончили свою пасту и заказали набор из даров моря. Приехала она на стареньком, пыхающем дымом, лупоглазом «Фиате» и оделась как типичная деловая североамериканка. Здесь это сильно бросалось в глаза и демаскировало встречу.

– Сара Вачовски, – представилась дама, протягивая для рукопожатия руку, как это было принято у североамериканок. Чтобы не нарываться на обвинение в сексуальном домогательстве, я пожал ее, как это было принято у североамериканских мужчин.

Выше среднего роста, средних лет, но следит за собой. Бассейн, фитнес – североамериканцы любят себя. Возмож-

⁷ Паста – итальянцы так называют спагетти.

но, лесбиянка – этой категории дам в Североамериканских Соединенных Штатах все больше и больше.

– Князь Александр Воронцов, – негромко представился я и перешел на русский: – Вы владеете русским языком?

– Да, конечно, – она мгновенно перешла на почти идеальный русский.

Я осмотрелся – никому до нас не было никакого дела, соседние столики были абсолютно свободны.

Подошел хозяин, мисс (скорее всего, именно мисс, не миссис) Вачовски заказала салат из даров моря. Следит за фигурой.

– Еле добралась... – пожаловалась она. – Эти ужасные итальянские машины, какой уважающий себя человек станет ездить в таком тарантасе. Джефффри, зачем ты выбрал такое место. Я еле его нашла?

– Место выбирал не я, – сказал посол Пикеринг.

– Простите, мисс, это моя вина.

Судя по тому, что на обращение «мисс» не последовало никаких возражений, и вправду мисс, не миссис.

– Бесплатную экскурсию совершила... – сказала она. – По крайней мере, не зря летала сюда. Будет о чем рассказать.

– На вашем месте я бы как раз не стал никому ничего рассказывать, – заметил я.

– Ничего страшного. Может сумасбродная североамериканка слетать в Рим по собственной прихоти или нет?!

Возможно, этот имидж – «сумасбродная североамери-

канка» – отлично отработанная маска. Я напомнил себе еще раз, что надо быть осторожнее.

Принесли салат, хозяин трактории с любопытством посмотрел на нас, но ничего не сказал. Это место находилось вдалеке от традиционных туристических маршрутов, и чужие здесь бывали нечасто. Однако своим вниманием хозяин трактории досаждал нам не стал.

– Итак, давайте для начала представимся, – негромко начал я, – меня вы уже знаете, равно как должность, которую я занимаю. Господин Пикеринг и то, чем он зарабатывает себе на хлеб, думаю, это тоже ни для кого не тайна. Таинственной незнакомкой остаетесь для нас вы, мисс Вачовски. Попробую угадать – Госдепартамент?

– Отнюдь. Агентство национальной безопасности. Заместитель начальника русского отдела, ведущий аналитик.

Я многозначительно посмотрел на Пикеринга – настолько многозначительно, что он опустил глаза. Господин Пикеринг только что преступил границы дозволенного в дипломатическом мире. Если бы он притащил на встречу кого-то из Госдепартамента – то есть свое начальство – это одно. То, что он притащил на встречу аналитика спецслужбы, да еще работающего против моей страны, – совсем другое.

Потому что состоявшаяся встреча – если она будет кем-то заснята – дает североамериканцам биографический рычаг⁸ на меня. Тайная встреча в третьей стране с установлен-

⁸ Биографический рычаг – повод для шантажа.

ным разведчиком, пусть даже и аналитиком, не оперативником – неважно. Попала такая фотография – я в столь приятной компании – на стол контрразведки, и любой контрразведчик начнет меня подозревать в том, что я продался североамериканцам. Ах, так он еще и лечился не один месяц в североамериканском госпитале?! И еще у него какие-то подозрительные дела с североамериканцами, он спас их президента?! Враг, однозначно!

И сама дикость ситуации – посол вербует посла, такого никогда не было – не остановит от того, чтобы начать под меня копать. И доверять мне, как доверяли раньше, после такой фотографии уже не будут.

– Позволю себе небольшой экскурс в историю. Не такую уж и давнюю. Несколько месяцев назад в североамериканских разведслужбах состоялась крупная реорганизация – как результат событий десятого сентября. Теперь русский отдел Агентства национальной безопасности имеет новое и вполне официальное наименование – отдел по борьбе с русской угрозой. У вас есть только три минуты, чтобы убедить меня остаться за этим столом, дамы и господа, – иначе я прямо сейчас встану и уйду.

Вачовски улыбнулась:

– Попробую, хоть это и будет сложно. Насколько я помню, вы никогда не отличались особой враждебностью по отношению к Североамериканским Соединенным Штатам и не только не работали против нас, но и даже едва не получили

награду за спасение жизни нашего президента. Я имею в виду Лондон.

– Это было давно. И я не спасал жизнь вашего президента, я охотился за маньяком-убийцей, чтобы доказать собственную невиновность. Время идет.

– Как бы то ни было, мы считаем вас лицом, дружественным по отношению к Североамериканским Соединенным Штатам. И мы хотели бы предупредить вас о серьезной опасности...

– Позволь я, Сара, – вклинился Пикеринг. – Господин Воронцов, мы с вами оба дипломаты, но сейчас нет нужды в дипломатических экивоках. Вы не могли бы охарактеризовать политику Североамериканских Соединенных Штатов последнего времени?

– Безумие, – коротко ответил я.

– А можно поподробнее?

– Пожалуйста. Начиная с событий десятого сентября, вы словно сошли с ума. Так не делают, наш мир слишком хрупок. Официальная версия событий десятого сентября мало у кого вызывает доверие. Конкретно? Пожалуйста, конкретно. Два самолета врезаются в нью-йоркские небоскребы. Оба они рушатся. Сгорает авиационный керосин – десятки тонн. Насколько я помню – в подземных хранилищах в сейфах расплавилось золото. И тем не менее – на развалинах одного из небоскребов находят целехонький паспорт одного из угонщиков, и этот паспорт как назло оказывается принадлежа-

щим мексиканскому анархисту. Ну так же нельзя. Тоньше надо, тоньше. Элегантнее. Из всех ведущих держав вашей версии поверила только Британская империя, ни мы, ни Берлин не восприняли это всерьез. И одновременно вы обвиняете нас в косвенной причастности к теракту. Мы-то тут при чем?! У нас анархисты в свое время Государя убили, в стране едва не произошел коммунистический переворот! Как у вас только ума хватило пристегнуть к этому дурно пахнущему делу нас?

Пикеринг поднял руки:

– Сдаюсь. Разгромили наголову. Сара?

– Напоминаю, что времени у вас мало, – сказал я.

– Видите ли, Алекс... Можно буду я вас так называть, мне так проще? – Не дожидаясь моего согласия, мисс Вачовски продолжила: – Часть из сказанного вами действительно справедлива. ФБР сработало очень грубо – впрочем, они по-другому и не умеют работать. Но часть наших подозрений о причастности вашей страны к террористическим атакам, пусть и косвенной, – не лишена оснований.

– Каких же? Нашли еще один паспорт, на сей раз русско-подданного? Или кто-то выжил в адском пламени? Или кто-то из пассажиров перед смертью позвонил своей бабушке и сообщил, что самолет захватили ужасные русские?

– На вашем месте я бы не рассуждала об этих событиях таким издевательским тоном. Для нас это действительно трагедия.

– Простите.

– Дело не в этом. Да и подозреваем мы не вас. Мы подозреваем какую-то игру, в которую вовлечена ваша страна. И мы подозреваем, что исполнители всего этого безумия прибыли к нам в страну с ваших Восточных территорий либо, что более вероятно, – из Персии. И что шахиншах Мохаммед ведет двойную и очень грязную игру.

– Это слова. Доказательства?

– Нарботки ФБР вас не устроят?

– Не устроят. Паспорт они уже нашли. Единожды солгавшему перестают верить надолго.

– Видите ли, Александр... – снова заговорил Пикеринг, – возможно, вы ошибаетесь в отношении нас, меня и мисс Ваховски. Мы не враги вам. Мы считаем, что в нашей стране в двухтысячном году произошел государственный переворот. К власти избранный волей меньшинства, подтасовав итоги выборов в штате, где губернатором был его брат, пришел Джон Томас Уокер Меллон, бывший алкоголик и весьма недалекий человек. Но опасен не он сам, а те, кто стоит за ним. Мы до сих пор сохранили некоторые... позиции в Белом доме и знаем, что там происходит. Там полно евреев. Каждое заседание Совета национальной безопасности начинается с еврейской молитвы. Возвращаются времена Фолсома.

– Вы антисемиты?

– Нет, просто мы люди, которые еще не напялили на глаза

розовые очки. Если покопаться в прошлом многих членов президентской команды, открываются удивительные вещи. Многие в молодости были откровенными леваками, троцкистами и анархистами. Сейчас они переметнулись на крайне правые позиции. Скажите, это не кажется вам подозрительным?

– Кажется. Дальше что?

– Дальше то, что эти люди, хотя и качнулись вправо, в душе они такие же анархисты. А правые, пользующиеся методами анархистов, – страшнее вряд ли что-то можно придумать.

– При чем здесь мы? Вам нужна помощь, чтобы с ними справиться?

– Возможно. Но дело не в этом. Люди двух стран, не желающие войны, должны быть по одну сторону баррикад, – сказала Вачовски.

– Вербуете... – с понимающей улыбкой осведомился я, – не слишком ли дешевый подход, сударыня?

– Мы не пытаемся вас вербовать.

– Ой ли?

– Сударь... – Пикеринг тоже изъясняется на хорошем русском, недаром говорят, что в Госдепе русским на том или ином уровне владеет более половины специалистов, – я уже давно догадался, что вы не совсем посол. Верней – что вы совсем не посол. И ваша реакция сейчас на наши слова это подтвердила. Люди, которые работают в разведке, глубоко

циничные. Но сейчас – не время для цинизма. Мы должны быть вместе.

– Сударь, – в тон ответил и я, – ваши познания о разведке также превосходят уровень обычного посла. И согласитесь, что цинизм разведчиков вполне оправдан и обоснован. По крайней мере – мне так кажется.

– Мы подошли к опасной черте. Люди Президента всеми силами подталкивают его к очень опасным решениям. Конфронтация между нашими странами вышла на принципиально новый, смертельно опасный уровень. Новые технологии позволяют совершить внезапный пуск ракет с замаскированных носителей из любой точки Земли. Раньше эта технология – я имею в виду систему «Комар» – была только у вас. Сейчас она появилась и у нас – вы слышали о новых разработках ВАЕ⁹?

– Вы имеете в виду воздушную платформу вертикального старта «Томагавков» на базе «Боинг-747»¹⁰? Как же, слышал. Только она неэквивалентна нашей. В нашей технологии баллистическая ракета воздушного базирования прячется в грузовом отсеке совершенно стандартного транспортного самолета. Вы думаете, мы продаем транспортные самолеты по всему миру просто так? Нет, и из-за денег, конечно, тоже. Но не только из-за них. Ракета может быть в любом самолете, в том чис-

⁹ ВАЕ (British-American aerospace) – крупнейший многопрофильный оборонный холдинг. Есть и в нашем мире.

¹⁰ Эта технология разрабатывается и в нашем мире.

ле в том, который принадлежит гражданской авиакомпании, вы не сможете отследить пуск до самых последних секунд, когда уже будет поздно. Ни одна система ПРО, которую вы так старательно разрабатываете, не успеет среагировать на внезапный старт баллистической ракеты с разделяющимися головными частями из произвольной точки воздушного океана. Эта точка может быть совсем рядом с вами, с вашими границами – и вы не успеете даже передать сигнал атомной тревоги на свои пусковые. Мы проводили моделирование, даже при полностью развернутой системе ПРО при внезапном массированном пуске БРВБ до девяноста процентов ракет первой волны прорвутся к своим целям. Если не удастся достичь фактора внезапности, этот процент падает до пятидесяти, но все равно это приемлемый уровень поражения, тем более что за ракетами первой волны пойдут более массированные вторая и третья волны – ракеты со стратегических подводных ракетоносцев, ракеты с наземных мобильных ракетных установок, ракеты со стратегических бомбардировщиков. В то же время ваш самолет мы сможем распознать, на экране радара – его сигнатура¹¹ хоть немного, но отличается от гражданского «Б-747», что видно с борта перехватчика. Уйти от перехватчика «семьсот сорок седьмой» не сможет ни при каких обстоятельствах. Дальность полета «Томагавков» – не стратегическая, а тактическая, прорваться за

¹¹ Профессиональный термин. Отметка на экране радара, радарные системы способны распознавать тип летательных аппаратов.

пределы наших рубежей обороны вы не сможете. На севере патрулируют дальние перехватчики, ни Сибирь, ни Урал вы не достанете. Достанете Санкт-Петербург – ну и что? Вы же понимаете, что штаб, где будет приниматься решение об ответном ударе, расположен в центре страны, в глубине наших оборонительных порядков, его не достать тактическими ракетами.

Вачовски хотела что-то сказать, но я предостерегающе поднял руку.

– Я еще не закончил. Поведение страны, которую вы представляете, в последнее время напоминает пьяного ковбоя, который вышел из салуна на улицу в поисках неприятностей. Но в наших «кольтах» достаточно патронов, господа. Если вы выбрали Россию в качестве мальчика для битья, то вы серьезно ошиблись. Смертельно ошиблись, так будет точнее.

Пикеринг и Вачовски несколько секунд переваривали сказанное.

– У вас исключительные познания в военном искусстве, господин посол... – ехидно заметил Пикеринг.

– Я контр-адмирал Русского флота, господа, забыли? Я длительное время служил на флоте и этого не скрываю.

– Хорошо. Карты – на стол. Скажу прямо: у нас есть все основания полагать, что группа людей в окружении нашего Президента готовит вооруженное столкновение между Североамериканскими Соединенными Штатами и Российской империей.

Я пожал плечами:

– Заприте их в психушке...

Вачовски побагровела от злости, я примирительно поднял руки.

– Ладно, ладно. Basta. Без шуток. Как говорится в одном вашем дурном фильме про Россию: какие ваши доказательства?¹²

– Посмотрите внимательно.

Я взял пачку снимков, судя по виду, спутниковых, которые положила передо мной Вачовски, начал просматривать их. Судя по всему, на них был изображен какой-то сильно укрепленный объект в горно-пустынной местности.

– Что это?

– Это ядерный центр, известный как Екатеринбург-1000. Принадлежит Персии. Там завод по обогащению урана и по производству ядерных взрывных устройств.

Я отложил снимки на стол.

– Придумайте что-то получше. Это не смешно.

– Нам тоже не смешно, – раздраженно произнесла Вачовски, – это положили на стол Президента.

Господи... А ведь и впрямь положили.

– И что сказал Президент?

– Приказал готовить варианты решения этой проблемы.

– Он с ума сошел?!

¹² Фраза из «Красной жары». В этом мире подобный антивирусный фильм тоже был снят.

– Это еще не все.

– Господи... еще что?

– Эти снимки – малая часть Персидского досье, лежащего на столе Президента. Есть и более худшая часть – сведения о том, что шахиншах Мохаммед прямо причастен к терактам десятого сентября и готовит новые теракты на территории Североамериканских Соединенных Штатов, в том числе с применением ядерного оружия.

– И это тоже положили на стол Президента?

– Да...

Впору было и в самом деле задуматься. Североамериканскими Соединенными Штатами я не занимался вплотную, знал только то, что есть в открытом доступе – но и этого хватало. Президент Меллон-младший казался наследником и прямым продолжателем дела Фолсома, кроме того – он был несамостоятельным. Да и как руководителем великой державы может быть алкоголик, обанкротивший собственный бизнес?! Если он разрушил собственный бизнес, то что же он сделает со страной?!

– Я не верю.

– Послушайте! – Вот теперь Вачовски разозлилась окончательно. – Как можно быть таким непробиваемым?! Не я определяю политику Белого дома в отношении Российской империи. Я ведущий аналитик по вашей стране, мне приносят исходные данные, и на основании их я делаю заключения. Понятно? Что мне принесли, то я и анализирую, я не

занимаюсь оперативной работой и не строю пустых версий. Вот Екатеринбург-1000, гражданский ядерный центр под контролем МАГАТЭ. Тогда зачем ему такое кольцо ПВО?

– Говорите тише. На нас уже смотрят.

Итальянцы привыкли к бурным выяснениям отношений, с размахиванием руками, иногда и с битьем посуды. Но мы говорили не по-итальянски, и на нас обратили внимание.

– Позвольте... Есть лупа?

Вачовски вынула из сумочки лупу – небольшую такую, на ножках, ее используют обычно библиофилы, протянула мне. Я еще раз пододвинул к себе фотографии...

– Вы умеете анализировать разведснимки?

– Я заканчивал разведфакультет. Не мешайте.

Мда... Что бы здесь ни было – но это и впрямь охраняется, и охраняется очень сильно. Даже больше скажу – никогда не видел противовоздушной обороны такой плотности. Прикрыт пятачок земли в несколько квадратных километров. В основном – ствольной зенитной артиллерией, правда, в чудовищном количестве. От нуля до двух, двух с половиной километров будут работать «Шилки» – их здесь не менее сорока (!!!) комплексов. Половина – самоходки, четырехствольные, вторая половина – буксируемые, двухствольные, но на шасси АМО – получают тоже самоходные. Какой модификации – не разглядеть, последние модификации двухствольных систем оснащены электроприводами, радарам и ракетными установками ближнего радиуса «Игла». Судя по тому,

что к каждой позиции ведет накатанная колея, а запасных позиций втрое больше, чем установок, – они постоянно меняют позиции, чтобы избежать внезапного уничтожения.

Вторая линия обороны – устаревшие, но мощные двухствольные зенитные пушки калибра 55 миллиметров на танковом шасси. Их – около двадцати. Они опасны для объектов, летящих на высоте до пяти-шести километров, а плотность огня тут будет такова, что, пожалуй, свой сектор они перекроют намертво.

Третья линия обороны – еще более устаревшие зенитные пушки калибра 107 миллиметров – они опасны до десяти километров. Устарели они предельно, у нас их даже в запасе нет – но если их собрать на таком пятаке... И тоже насчитал шестнадцать, это очень много.

Последнее меня совсем убило. Ракетные комплексы войсковой ПВО SA-15 Gauntlet, или, по-нашему, ТОР. Наша армейская модификация, на гусеничном шасси, пять штук. Вот чего-чего, а ТОРов тут никак не должно быть, зенитно-ракетные комплексы мы в Персию никогда не поставляли.

Но они тут были.

Напоследок я обнаружил радарные посты, в количестве аж трех штук – получается, основной и два запасных. На каждом – современные антенны дециметрового диапазона, но не только – есть еще и старые лопухи антенн метрового диапазона, которые уже во всех армиях мира под списание

намечали, да не списали. Почему? Да все потому, что те, кто машины «Стелс» разрабатывал, они-то как раз на современный, дециметровый диапазон работы поисковых локаторов рассчитывали, а про метровый-то и забыли. А в метровом эти дорогушие машины видно, и видно прекрасно. Поэтому надежной сейчас считается связка дециметрового и метрового поисковых локаторов при синхронной их работе.

– Что скажете?

Я отложил снимок в сторону.

– Предельно плотная противовоздушная оборона. Я так полагаю – вы нашли и дальние радиолокационные посты?

– Совершенно верно. Два кольца, десять и тридцать километров от объекта.

– Такую оборону можно подавить только с предельной дистанции с использованием современных крылатых ракет. У них есть проблема – в связке отсутствует современный ЗРК большой дальности типа «Нева» или «С-300». Нет прикрытия на предельных дистанциях. Поэтому пуском ракет со стратегического бомбардировщика объект можно уничтожить, и они ничего не смогут этому противопоставить.

– Но ведь и SA-15 у них не должно здесь быть?

– Не должно, – подтвердил я, – мы продавали им только ствольную зенитную артиллерию, вы сами понимаете причины.

– Но при необходимости вы можете поставить «зонтик» над этим местом.

– Можем. Черноморский флот с авианосцами и комплексами «Риф» контролирует этот регион. Кроме того, прикрытие можно обеспечить с Восточных территорий, дальность работы «С-300», не говоря уж о «Неве», это позволяет.

– А вертолет. Предельно низкая высота, помехи?

– Не проскользнете. Если вас не обнаружат с авианосца, в чем я сильно сомневаюсь, оборона этого места растерзает вас. Про вертолеты здесь можно забыть, тем более посмотрите на рельеф местности. Укрыться за складками здесь не получится. Но этого недостаточно. Один объект – и что?

– Есть еще кое-что.

– Что же?

Сара Вачовски бросила мимолетный взгляд на посла, тот утвердительно кивнул головой.

– Это часть большого исследования... Гораздо большего, выходящего за рамки Персидского досье. Группа наших ученых из Гарварда, которые одновременно являются добровольными помощниками ЦРУ, проанализировала состояние дел в международном терроризме. Выявлена одна опасная тенденция.

Ведущий аналитик АНБ замялась с продолжением.

– Есть новая тенденция. Очень опасная. Использование при террористических актах смертников.

– Смертников? Сударыня, это далеко не новость. В Северной Индии существуют несколько центров по промыванию мозгов, в свое время мы их накрыли ракетными ударами –

или решили, что накрыли. Если нужны смертники, обращайтесь к вашим партнерам по атлантической коалиции. Они у них есть, причем в любом количестве.

– По нашим данным, центры по подготовке смертников-шиитов есть и в Персии. Персия – центр шиизма, крайне опасного течения в исламе. Любой шиит – потенциальный смертник, они с готовностью отвергают жизнь ради загробного воздаяния.

– Откуда эти данные?

Вачовски замялась:

– Агентурная информация. Большого сказать не могу, да и не знаю. Нам дают информацию в готовом виде.

– Это несерьезно. Любой оперативник на линии, подкупленный теми людьми, о которых вы говорите, придумает десяток таких источников, и проконтролировать это будет сложно. Нужно все-таки оценивать реальность получаемых разведданных.

Я поворошил снимки, выбрал снимок всего этого района, начал его просматривать. Пикеринг и Вачовски внимательно наблюдали за мной.

– Не могу понять...

– Что именно?

– Что здесь за объект. Этот объект не может быть крупным.

– Почему?

– Любой крупный объект требует большого объема пере-

возок как людей, так и грузов. Скорее всего, здесь понадобится железнодорожная ветка. Где она? Я ее не вижу.

– Но ограждение вы заметили?

– Заметил. Хитро поступили – на тридцать километров отнесли.

– Вот именно. Они огородили огромную пустынную территорию. Я уверен, здесь есть и минные поля, и датчики движения. Была проделана огромная работа. Туда же ведет подземный кабель высокого напряжения от ЛЭП.

– Да я увидел... – Я положил снимки на стол. – И чего же вы от меня хотите?

– Мы хотим, чтобы вы выяснили, что это за объект. И только.

– И только? Вы сами себя слышите?! То, что вы мне предложили, называется «шпионаж», «измена Родине».

– Это не ваша Родина.

– Это наше вассальное государство. Забыли? Мы отвечаем за его безопасность. Выяснить что-либо для североамериканской разведки я не буду.

– Мы не представляем...

– Послушайте меня, господа. Вы пригласили меня сюда, чтобы рассказать о том, что вас беспокоит, – и я выслушал вас. Но если вы ищете человека, который предаст – не по адресу. Я русский офицер и дворянин. В нашем роду нет и не будет предателей. Я выясню, что это за объект. И поступлю так, как сочту в этом случае нужным. Перед вами же я ника-

ких обязательств не беру. Честь имею.

Мисс Вачовски хотела что-то сказать, но посол перебил:

– Господин Воронцов, я понимаю вашу позицию и уважаю ее. Но я хочу взять с вас слово, слово офицера и дворянина. Дайте мне слово, что сделаете все, чтобы не допустить войны между нашими народами. Тогда я буду спокоен.

Я утвердительно кивнул:

– Такое слово я могу дать. Война никому не нужна.

Ночь на 3 июля 2002 года

Великая Хорватия

Пожаревац

Наверное, это и в самом деле безумие. Позднее сотник, чудом выживший в мясорубке, вспоминал о том, что они тогда сделали, и удивлялся, как им хватило ума сотворить такое? Впятером, без поддержки, в чужой стране, с которой Россия даже не воюет... Это Австро-Венгрия воевала... готовилась воевать, а Россия не воевала.

Но все-таки они это сделали. Безумству храбрых поем мы песню...

Четверо просто залегли рядом с полотном, накрывшись накидками – два автомата и два пулемета. Пятый – от него зависело все, смогут они сделать то, что задумали, или им придется штурмовать Пожаревац впятером против всех – находился на позиции двумястами метрами ближе к городу. Снайперская винтовка Steyr, неавтоматическая, но с отличной оптикой и глушителем. Нужно было сделать, как минимум, два выстрела во время прохождения состава. Выстрел, перезарядка – затвором, а не автоматически, как привыкли русские казаки-снайперы, – и снова выстрел. Все это почти в темноте, можно сказать, наугад. Если хоть один выстрел окажется неточным – привет. Приехали... воевать впятером

против целой части. Ну не части... но рота тут точно есть, скорее даже усиленная рота.

Соболь сказал, что он и четыре раза выстрелит и попадет. А Соболь ни разу не обманывал...

На эту мысль сотника натолкнуло расположение вагонов в составе. Первыми шли пассажирские вагоны с личным составом. Вторыми – крытые полувагоны, совсем такие, как на русских железных дорогах. Третьими – платформы с техникой. Вот и пришел в голову вопрос: а что, если эти платформы отцепить?

По идее, на каждой платформе должен быть стрелок. Охранник. Обязанный следить, чтобы этого не произошло. Но будет ли? Европа все-таки. Пусть и южная, где все не как в «правильной Европе».

Если будет охранник – он умрет. Если нет – значит, все поживут. Пока. Если, наконец, охранник будет, но Соболь не сумеет его чисто снять – тогда умрут они.

Вот такая головоломка.

Божедар, сильно нервничающий, – лучше бы его вообще в стороне оставить, но нужен был буквально каждый – в который уже раз полез к рельсам, положил на них ладонь, чтобы понять, едет ли по ним состав.

– Гудят, аж страшно! – сообщил он.

Сильная рука стащила его с полотна, отвесила добрую оплеуху...

– За что?

– Говорил тебе, не суйся наперед!

Сам сотник думал, что они будут делать, если первой пойдет дрезина. Самая обыкновенная дрезина или автотрикса¹³, несколько автоматчиков, возможно, пулемет и прожектор. Этого уже хватит, не говоря о том, если будут использовать тепловизор или радар. А что – запросто, ситуация здесь далека от нормальной, может быть и то, и другое. Если пустят такой авангард перед основным поездом – им опять-таки хана.

Божедар обиделся, засопел, но ничего не сказал...

– Кажись, и в самом деле идет... – подтвердил Чебак.

– И ты зараз туда же!

Сотник был просто на нервах, но он четко слышал: и в самом деле, идет. Точно идет, такой глухой гул, едва заметная вибрация рельсов, возникающая при передвижении по ним многотысячетонного состава.

– Плюс! – донеслось из рации. Дело сделано.

– Готовность! – Велехов говорил в полный голос, опасаться было уже нечего...

Первым появился тепловоз – большая, темная, неудержимо надвигающаяся масса, он шел по рельсам, как призрак, не включая головного прожектора, лишь тускло светила в темноте кабина, подтверждая, что это не призрак, это и в самом деле состав. Ни один дурак не стал бы лежать на насы-

¹³ Наподобие железнодорожного автобуса с дизельным двигателем, применяется на малозагруженных рейсах.

пи рядом с самыми рельсами, если бы не нужда... через их Вешенскую теперь тоже ходили поезда, они пацанами шуrowали на путях, на грузовом дворе станции, но такого, лечь к рельсам, им и в голову не приходило...

Грозный лязг, гул накатывал на них, лежащих и прячущихся, и не было от него никакого спасения.

Тепловозов было четыре, прицепленные цугом, они вытаскивали огромный, почти на семьдесят вагонов состав, земля стонала от его тяжести. Сразу за ними пошли вагоны пассажирские, с наглухо задраенными черной материей окнами, с закрытыми тамбурными дверьми. Похоже, здесь озабочены больше не безопасностью, а скрытностью, потому и пошли ночью, потому и задрапированы все окна до единого, потому и нет в открытых тамбурных дверях часовых с фонариками и автоматами. Сами себя обхитрили.

Сотник приподнял голову. Перед ним проплывали колесные пары, одна за другой...

Километров сорок в час. Больше?

— Готовность!

Вагоны прошли, теперь пошли теплушки, крытые полувагоны. Темные, как ночь... и снова никакой охраны.

Тот ли это состав?! А как насчет условного знака События?

Платформы! То, что им нужно... Что-то темное, бесформенное на них... кажется, замаскировали... масксетями завесили, точно.

– Подъем!

Состав, казалось, увеличивал скорость – а может быть, так оно и было.

Запрыгнуть на движущийся поезд не так-то просто, пробовать никому не советую, остаться без ног или без головы легче легкого. Те, кто был с Вешенской, имели в этом деле небольшой пацанячий опыт, потому что жили у станции, конечно, и хулиганили там... не без этого. Но даже для них это было проблемой.

Когда шла платформа – было видно, что последняя, – сотник уже бежал вдоль состава изо всех сил, чтобы хоть немного смягчить рывок. Платформы уходили... он даже не мог обернуться, чтобы увидеть, какая последняя. А ему нужна была именно последняя.

Рывок! – едва не вырвавший руки, его сбило с ног, ныли пальцы... но он вцепился в ржавое грязное железо и не отпускал... ноги волочило по щебню насыпи... если сейчас будет стрелка, то может и оторвать, такое он слышал, запросто...

Тянись...

Попытался подтянуться – на одних руках, хрипя и шипя от напряжения, не получалось. Не получалось, хоть убей, его волочило за платформой, из горла рвался крик...

– А-а-а-а!..

Это был не крик – нечто похожее на звериный рев, каким-то чудом он успел оттолкнуться от насыпи, да так, что

показалось – то ли подошву оторвало, то ли ногу. Оторвало, потому что он не чувствовал ногу, не чувствовал, как бьет ее по насыпи.

Оторвало – ну и хрен с ней!

Только через несколько секунд Велехов понял, что он как-то умудрился закинуть ногу на платформу, поэтому и не чувствует, как ноги бьются о щебень. Вот только бы еще сил набраться... вторую закинуть... закинуть всего себя на эту проклятую платформу, трясущуюся и лязгающую... так... оп-па!

Он так и лежал, тяжело, хрипло, как загнанная лошадь дыша, и не мог отцепить руки от ржавого металла. Если сейчас к нему подойдет охранник с платформы, возьмет его голыми руками, он и встать-то не сможет.

Да, не сможет.

Но надо...

Поезд набирал ход.

Так, не вставая, он пополз вперед по-пластунски, туда, где грохотала и лязгала металлом сцепка. По пути он обнаружил, что каким-то образом лишился винтовки...

И черт с ней... Может, какому повстанцу попадется...

Он не знал, что стояло на платформе, но это что-то было большим, тяжелым и гусеничным, и с длинным стволом – а значит, сойдет. Перевалился – и чуть было не полетел под колеса, так закружилась голова, еле схватиться успел. Несмотря на опустившуюся на землю чернь ночи, был отчетливо ви-

ден отполированный до блеска стальной рельс и жадно закусывающая его кромка колесной пары. Он видел, что когда-то стало с неосторожным сцепщиком в Вешенской – и энтузиазма это не добавляло...

Тут должен быть рычаг. Сначала надо разъединить магистраль подачи сжатого воздуха, электричества, и чтобы при этом не долбануло... А хотя какое тут, к чертям, электричество, на открытой платформе? Потом рычаг. Рычаг...

А ведь если отсоединить воздушную магистраль, то начнется утечка и будет сигнал тревоги. Как быстро? Сразу? У него из оружия пистолет и нож – против целого состава.

Рука неожиданно натолкнулась на массивный рычаг – примерно такой использовался и на наших вагонах, в Вешенской. Автосцепка называется... была не была.

Он толкнул рычаг сначала в одну сторону – не поддалось, потом в другую – потом отбросил осторожность и рванул обеими руками – так, что чуть опять не свалился на рельсы. И почувствовал, что поддается...

Сначала ничего не происходило, поезд как шел, так и шел. Потом он заметил, что шланг, которым подается воздух, натянулся до предела, как струна. А потом лопнул, хлестанул по платформе со звонким щелком, а сотник снова едва не свалился под колеса. Шипя, как разъяренная змея – это было слышно даже сквозь грохот колесных пар, – состав удалялся, оставляя на рельсах бегущую по инерции платформу...

Платформа остановилась. Они сделали это...

Несколько минут Велехов так и лежал на платформе, пытаясь прийти в себя. Если бы он знал, что все будет происходить так, никогда бы не согласился на эту безумную авантюру. Никогда, ни за какие коврижки.

Потом встал и первым делом обошел платформу, пытаясь найти труп, оружие, что-то в этом духе. Подсвечивал себе фонариком, потому что скрываться уже не было смысла, проявились в полный рост и во всей красе. Но на платформе не было ничего, кроме грязи, кусков какой-то проволоки и свернутого рулона плотной ткани, непонятно зачем.

– Ну и что делать теперь? – вслух спросил сотник сам себя.

Хлопнул себя по карману, ожидая наткнуться на осколки или вообще ничего не обнаружить, но, к его изумлению, рация была на месте, более того – она работала! Включил на прием – и услышал встревоженный голос, шпарящий открытым текстом:

– Старший! Вызываю старшего! Старший, где ты?

– Дело сделано... – устало проронил в рацию Велехов и поморщился – кожу он ободрал с ладоней капитально.

* * *

Он снял и свернул маскировочную сеть с платформы. Посветил фонариком – это было то, что он и хотел – квадратный, с пятидюймовой пушкой «Аустро-Даймлер», лицензионный римский «Демаг Леопард-2», один из последних клас-

сических танков, здесь они, видимо, еще состояли на вооружении. Мощная лобовая броня, двигатель – дизель, как минимум, на тысячу сил, прямоугольная, угловатая башня, пятидюймовая пушка, предназначенная, прежде всего, для стрельбы прямой наводкой. Два пулемета – тринадцать миллиметров на башне и семь и шестьдесят два, три линии¹⁴, спаренные с пушкой. Теоретически танк хорош – но именно теоретически. На современном поле боя, с его управляемыми самонаводящимися шестидюймовыми снарядами, отстреливаемыми на пятьдесят километров, с боевыми вертолетами, ракеты которых бьют по целям с десяти километров – этому танку места не было...

Теперь с этим танком надо что-то делать. Самое главное, вдруг не окажется топлива? Интересно, как здесь принято перевозить технику? По идее – можно перевозить и заправленной, соляра не горит. А если нет топлива? Идти в ближайшую деревню за ведром соляры? Нет, скорее за бочкой. А потом ее сюда катить. А больше поезда тут вообще ходить не будут, подождут, пока они с танком справятся.

Великолепно...

Кстати, еще один вопрос: а как для начала эту вот дуру, весом шестьдесят две, если память не подводит, тонн, сгрузить с платформы? Кран подогнать?

Вопросы, вопросы...

Со стороны Пожареваца кто-то бежал, сотник повернулся

¹⁴ В реальности на стандартном «Леопарде» два пулемета MG3.

– и вспомнил, что потерял свое оружие. Но это был всего лишь Певцов.

– Жив? – задал он дурацкий вопрос, когда подбежал к платформе, схватился за нее руками, тяжело дыша.

– Как видишь. Где остальные?

– Сейчас будут. Какая ляля...

– Мы с этой лялей – намучаемся. Что с ней делать теперь?

– Как что? Заводить и ехать...

– Заводи и едь. Сумеешь?

Певцов взобрался на платформу, как старый дед, цепляясь и руками и ногами. Потом так же залез на танк, на башню...

– Ты что, в самом деле умеешь?

– Есть немного.

– Где научился?

– Да брательник на броне отслужил... Это не сложнее, чем трактор водить. Ага!

Певцов открыл люк – это тебе не машина, никакой противуогонки нет – и полез внутрь танка. Подбежал Чебак.

– Соболя где оставил?

– Там, с Божедаром плетется. Живой, командир?

– Да что вы все меня хороните? До самой смерти не умру.

– Мы смотрели, как ты уцепился, думали, сбросит.

– Держите меня четверо. Батя быка седлал.

– Так то батя. И то быка...

Подбежал Божедар.

– Живой, пан казак?

Чебак посмотрел на Велехова. А Велехов – на Чебака. И оба – расхохотались.

– Казаки! – Певцов вылез из башенного люка.

– Ну что?

– Соляры под пробку! И снаряды загружены!

– Давай потихоньку назад! Только тихо!

Танк зашевелился на платформе, утробно взревел двигателем.

– Давай, давай!

Пушка – самое уязвимое место танка – была поднята на максимальный угол возвышения и повернута на девяносто градусов. Если им повезет – танк не перевернется при такой безумной разгрузке.

– Давай!

Передние колесные пары тележки разгрузились предельно, это было заметно.

– Еще немного!

Сотник, командовавший разгрузкой, толкнул Божедара назад, вечно он лез вперед, хотел помочь, но только осложнял.

– Назад. Не суйся поперек батьки.

В этот момент произошло то, что должно было произойти – платформа не выдержала и встала на попа, танк грохнулся об насыпь и... Не перевернулся! Он не перевернулся, он тоже почти встал на попа, но не перевернулся! Так и стоял.

– Певец, ты живой?

– Живой, что делать?

Сотник, рискуя тем, что вся эта конструкция рухнет на него, подошел ближе, посветил фонариком. Если сейчас вдруг появится поезд... будет очень смешно. Хорватам, им-то будет совсем не до смеха.

– Я буду командовать. Сейчас дай самый малый назад, гусеницы вытолкнут платформу вперед. Готов?

– Да.

Если вся эта конструкция рухнет, то первым погибнет он же. Но Велехов сознательно ставил себя под удар, потому что он все это придумал.

– Давай!

Танк зашевелил гусеницами, чтобы опрокинуться, достаточно было минимальной асимметрии усилий. Одна гусеница провернется вхолостую – и все.

– Ну?

Гусеницы зашевелились, что-то заскрежетало – и он увидел, как платформа пошла вперед. Получалось!

– Давай! Отлично! Вперед самый малый!

Платформа ползла и ползла вперед, пока не ударилась об рельсы.

– Еще назад. Сейчас...

Об рельсы ударился и танк, встав на них. В рации раздался сдавленный крик.

– Певец, что с тобой? Певец?

– Нормально. Башкой стукнулся... е...

Платформу – как только танк «встал на ноги» – они привязали тросом к танку, перевернули и сбросили с путей. Мало ли... может, это даст им хоть немного дополнительного времени.

Стандартный экипаж тяжелого боевого танка Austro-Daimler Pz 80 Ausf состоит из четырех человек. Это механик-водитель, командир, стрелок-наводчик и заряжающий. Танк спроектирован по классической схеме: отделение управления спереди, боевое отделение в средней части и МТО – в кормовой.

В отделении управления размещается водитель, основная часть боекомплекта и фильтро-вентиляционная установка. Рабочее место водителя смещено к правому борту; сиденье водителя регулируется по высоте и может устанавливаться в два положения: боевое – при закрытом люке и походное – с открытым люком. Для наблюдения за местностью перед люком установлены три перископических смотровых прибора, что позволяет водителю обозревать местность, не открывая люка, как на менее современных танках. Управляется танк не рычагами, а чем-то наподобие штурвала. Усилие на штурвале и на педалях низкое, почти как на гражданском авто.

Основным прицелом наводчика является EMES-12, разработанный фирмой «Цейсс». В прицел интегрированы лазерный и стереоскопический дальномеры. Биноккулярный стереоскопический дальномер имеет базу 1,72 м и 8- или

16-кратное увеличение. Комбинация двух дальномеров, использующих различные принципы для определения расстояния до цели, позволяет повысить достоверность и точность измерения. В качестве вспомогательного наводчик использует монокулярный перископический прицел TZF-1A, аналогичный установленному на танке «Леопард I». У командира панорамный перископический прицел PERI-R-12 со стабилизированной линией визирования. Командир имеет возможность самостоятельно наводить пушку, для чего применяется механизм синхронизации оптической оси прицела и оси ствола орудия.

Для наблюдения в темное время суток используются активные ИК-приборы ночного видения и наблюдательные устройства с электронно-оптическими усилителями. В отличие от танка «Леопард-1», ИК-прожектор «Леопарда-2» установлен стационарно и прикрыт башенной броней. Использование активных приборов ночного видения предусматривалось только в случае невозможности работы приборов с электронно-оптическими усилителями, поскольку излучение ИК-прожектора сильно демаскирует танк.

В башне расположены места заряжающего, наводчика и командира танка. Хранилище снарядов находится в задней части башни, при этом оно защищено хуже, чем на других аналогичных танках того времени, и потому танк считается довольно уязвимым. Второе хранилище снарядов – рядом с местом механика-водителя, добраться до них, да еще на

ходу танка, – задача не из легких. Танк может вести огонь стандартными снарядами этого калибра всех типов – бронебойными (включая снаряды с урановым сердечником), осколочно-фугасными, фашетами – снарядами против пехоты с множеством стрелок, дымовыми.

Этот танк был вооружен мощнейшей для того времени танковой пушкой L44 калибра сто двадцать миллиметров, мощнее была только британская пушка такого же калибра, но нарезная. Стандартом для танков в те времена была британская пушка L7 калибра 105 миллиметров, она стала самой распространенной пушкой в истории, лицензию на ее производство закупали все кому не лень, и так получилось, что в семидесятых годах этой пушкой или ее лицензионными копиями оснащались танки Британии, Австро-Венгрии, Германии, САСШ и Японии. Только русская конструкторская школа не пошла по этому пути, приняв за основной калибр сначала морской 107 миллиметров, а потом установила на танк мощнейшую 130-миллиметровую морскую пушку¹⁵. Как бы то ни было – германская пушка L44 стала настоящим прорывом в области противотанкового вооружения и сохранилась до сих пор на самоходках-истребителях, лицензию на нее купили САСШ и Япония.

И вот все это – пушку, пулеметы, приборы – предстоя-

¹⁵ В нашем мире: 100, потом 115, потом 125 миллиметров. Одновременно на флоте существовал калибр 130 миллиметров. Причин, заставлявших держать такой разнокалиберный артиллерийский парк, автор не знает.

ло освоить четверым казакам и одному сербскому пареньку меньше чем за час. Да какое там час... полчаса, не больше.

Танк стоял в перелеске, работала только вспомогательная силовая установка, дававшая напряжение в бортовую сеть танка. Оба люка были открыты, пулеметы уже снарядили, оставалась только пушка...

– Открывай и доставай.

– Какой?

– Да любой! Первый попавшийся!

Божедар, выполняющий роль заряжающего, открыл за-
слонку – там, донцем гильзы к нему ждали своего часа сна-
ряды. Они лежали не в отдельных ячейках, как делают на
некоторых танках, а штабелем. На штабеле были какие-то
заметки, но что они означали, понять было невозможно –
отдельные буквы и все.

– Тяжелый...

– Не урони!

От крика серб чуть и в самом деле не уронил...

– Да что ты делаешь, сюда клади!

– Да положил я, положил...

Чебак мрачно смотрел на снаряд, лежащий на лотке.

– И что теперь делать? Певец?

– А?

Самое простое взял себе Певец – механиком-водителем. Знай дави на педали да руль крути – как на тракторе. Обзор... так перископы есть, проще простого. Или люк по-по-

ходному откинул – и рули.

– Как эту дуру заряжать?

– Как-как... Ты снаряд положил?

– Положил.

– Теперь досылатель. Досылай и затвор закрывай.

– А где тут досылатель?

Певец выругался:

– Сейчас...

Он попытался с места механика-водителя пролезть сразу в башню, не получилось. Механик-водитель сидит в танке низко, как в гоночной машине, – полез, короче, через люк...

– Пусти...

– Да куда пусти, зараз и без тебя тесно.

– Ты так покажи... – сказал Велехов, примеряясь к пулемету. В отличие от германцев, австро-венгры не только заказали крупнокалиберный пулемет вместо обычного на башне – но и хорошо защитили пулеметчика. Само по себе очень показательно – значит, готовили танк к бою не с себе подобными, а с инсургентами, и к городским боям...

Казаки не знали, что снаряды в танке были только двух типов – осколочно-фугасные и флашеты, потому что для охраны Пожареваца другие были не нужны. И точно такое же снаряжение было у оставшихся в городе танков. Захваченный ими танк был практически неуязвим для всех типов оружия, что имелись в Пожареваце.

– Вон, видишь?

– Что?

– Да нажимай ты! Вот так!

Снаряд скользнул в казенник пушки.

– Понял?

– Да. А стрелять как?

Велехов, освоившийся на месте командира, указал на кнопку:

– Эта, наверное.

– А почему эта?

– Красная...

Чебак потянулся рукой.

– Э, э! Ты тут не пальни...

– Да не пальну я... А если не научимся палить, то как?

– Из пулеметов. И гусеницами. Понятно? Вообще – светает, надо двигаться...

Певец выпрямился – и увидел пожилую женщину, стоящую в нескольких метрах от танка и смотрящую на них со страхом.

– Иисусе!

Увидев, что танкист смотрит на нее, она повернулась и опрометью бросилась бежать куда глаза глядят.

– Что там? – спросил Велехов.

– Что, что... Ехать надо, вот что...

Марко Стадник, офицер специального подразделения охранной полиции, в эту ночь был дежурным. Дежурили по очереди и с дежурства сменялись почему-то в десять ноль-ноль. Время, когда уже совсем рассвело и потемну не заснешь. А дежурили – день через два...

Должность в Пожареваце считалась довольно престижной, это тебе не по лесам за повстанческими отрядами шастать, там никаких дежурств, несколько дней то в сырость, то в жару, то в холод. Лежишь часами, а то и днями на земле, высматриваешь, что происходит в очередной деревне, населенной никак не желающими угомониться сербами, или у кладбища – на кладбищах почему-то сербы любили проводить сходки и прятать оружие. Так можно и простатит заработать! И почти ни выходных, ни проходных, ни отпусков – не то что здесь...

На должность в комендатуру Пожареваца Стадник попал не случайно. Расценки он знал – пятьдесят тысяч хорватских марок за место. Деньги он, конечно же, копил, как и все остальные офицеры, обирая выявленных террористов и их пособников, но рассчитывал перевестись на непыльную должность примерно через год. Судьба распорядилась иначе – попался на глаза цыганский табор, а у цыган золотишко всегда припрятано. Они как раз сидели в засаде, поджидали

связника с территории Польши, когда заметили цыган. Цыгане оказались не «пустые» – в мешке обнаружили около трех килограммов героина, тащили через границу. Через день к нему явилась делегация во главе с цыганским бароном, и вопрос был улажен, а генералу Войко Вучетичу он преподнес не только требуемые пятьдесят тысяч марок, но и массивный мужской браслет из золота, стробованный с цыган. Расчувствовавшийся генерал в долгу не остался, дал направление не куда-нибудь, а в Пожаревац, благо такие понятливые подчиненные попадались редко, их следовало беречь и продвигать по службе. Стадник, естественно, генерала не подвел.

Работа в комендатуре Пожареваца предполагала немалый дополнительный доход. Город обнесен колючкой, в самом городе больше трехсот тысяч жителей и несколько промышленных предприятий. Такса была на все – жители платили за право выйти из города, за свидание, за передачу (это все же была тюрьма, хоть и огромная), за перевод на легкие работы – денежки капали, а собирал и передавал их наверх дежурный офицер. Себе кусочек малый отламывал – но, учитывая масштабы денежного потока... Платили местные купцы, деловары – все заводы показывали минимальную прибыль, а то и убыток, на самом же деле они работали на полный ход, занимались левыми заказами большую часть рабочего времени. Мало кто знал, что Пожаревац производил нелегального оружия едва ли не больше, чем Загорье¹⁶. И за все – за

¹⁶ Существует и в нашем мире, существовало и при Тито. Загорье – центр неле-

въехавшую машину, за выехавшую машину – за все капали денежки...

Времени было уже девять с лишним, деньги майор Стадник уже собрал и поместил их в сейф, сменяясь с дежурства, он вывезет их и встретится с «инкассаторами» – тоже офицерами специальной полиции, группой из Загреба – примерно в километре от Пожареваца. Деньги он собирал за предыдущий день, на разводе постов, причем делал это в открытую. По сути, он и занимался днем и ночью только тем, что караулил собранные деньги, с остальным управлялись офицеры секторов...

Марко Стадник открыл ящик стола, с тоской посмотрел на лежащую там фляжку – в ней была сливовица. Нельзя... нельзя, он еще не сменился, он отвечает за деньги, пока деньги не переданы – он отвечает за них головой, и не только он. Все помнили историю с Борисичем, он сначала брал то, что ему не предназначалось по праву, наглед, а потом, когда понял, что все его махинации раскрыты и загребские генералы знают о его гешефтах – вместо того, чтобы передать очередную сумму по назначению, – смазал пятки салом и... В итоге семью его через несколько дней подчистую вырезали сербские террористы, забросали дом зажигательными бомбами,

гальной оружейной индустрии Европы, оттуда снабжается весь европейский криминалитет, не имеющий доступа к армейским или полицейским складам и военному черному рынку. Вот почему в нашем мире Хорватия, едва получив независимость, стала одним из крупнейших производителей стрелкового оружия в Европе.

предварительно подперев двери, а самого Борисича нашли через полгода в Австралии. Без головы.

Надо же, куда сумел убежать... Обычно бежали в Италию, совсем рядом, там даже образовалось что-то типа хорватской общины. А этот до Австралии добежал... но и там достали...

А сливовицы хочется...

Сглотнув слюну, майор Стадник начал готовить кофе.

Вот чего он не понимал, просто хоть застрели, не понимал – так это чего не хватает в жизни сербам. Разве им не предоставили возможность уехать, всем, кто желал уехать? Предоставили... Даже унижение немалое претерпели из-за этого. Разве им не дали все права... даже право голосовать на местных выборах? Дали¹⁷. Их ведь сейчас даже не расстреливают, кроме тех, кто непосредственно виновен в терактах, – дают возможность перевоспитаться работой, социализироваться. Проволока, которая окружает город, охрана – она скорее для того, чтобы сербские террористы не проникли сюда извне, а не для того, чтобы держать сербов здесь как заключенных.

Так что же им еще надо-то...

Где-то вдали гроыхнуло, майор нахмурился, подошел к окну. Гроза, что ли, начинается? Небо ясное вроде. Только бы не гроза, сдать бы деньги и доехать до дома... а там пусть хоть потоп.

Пока заваривался кофе, майор Стадник лениво листал

¹⁷ Конфликт между сербами и хорватами в этом мире ничуть не менее длителен и страшен, чем конфликт в Северной Ирландии в нашем.

журнал дежурства. Ничего не произошло... и слава Иисусу. Майор был примерный католик, каждую субботу посещал церковь и старался не совершать того, что в его понимании было грехом.

Новые странные звуки привлекли внимание майора, сначала он почему-то подумал, что эти звуки издает кофейный аппарат, потом прислушался и понял, что нет – это что-то другое. В этот момент снова загромыхало... слышнее, чем в первый раз. И тут майор понял, что звуки, на которые он обратил внимание, – это выстрелы.

Примерно прикинув, откуда они доносятся, он снял трубку, набрал четырехзначный номер. В трубке был сплошной гудок – не прерывистый, когда занято, а сплошной.

Нахмурившись, майор достал из стола рацию – он отключал ее, потому что, если слушать все переговоры по рации целый день, голова будет как чугунная.

– Это майор Стадник, всем тишина в эфире! Вызываю караульный пост номер два! Караульный пост номер два, ответьте главному!

Он переключил на прием – и услышал то, от чего похолодели ноги...

– Слева, слева заходи... Гишек... Гишек, уходи оттуда... Иисус, его не остановить... всем, кто меня слышит, мы под огнем. Мы под огнем, периметр прорван танками, запрашиваем любую помощь! Мы не можем их остановить!

В танк уже три прямых попадания – но все три осколоч-

но-фугасными, а не кумулятивными, и танк оставался на ходу. С каждой минутой его действия становились все более осмысленными – экипаж учился, как говорится, на практике. Танк прорывался к городу, к промышленной зоне, периметр уже прорван.

Какой-то взрыв, треск помех, неразборчивые крики...

Майор бросил рацию, неверяще и испуганно посмотрел на нее, вдруг вспомнив, что идет последний час его дежурства...

Какие, ко всем чертям, танки?!

Майор снова взял в руки рацию.

– Здесь майор Стадник, прекратите панику, доложите, что происходит!

В ответ раздался голос, который он не узнал, хотя голоса всех начальников секторов он знал безошибочно.

– Господин майор, танк прорвал оцепление и открыл по нам огонь! Многие убиты, мы не можем остановить его!

– Что за чертовщина? Кто в танке?!

Майор вспомнил, что ему рассказывали – на Рождество несколько пьяных военнослужащих решили покататься на танке и врезались в железнодорожный состав. Закончилось военным трибуналом...

– Откуда танк? Что это за танк?

– Мы не знаем, там наши эмблемы!

У защитников Пожареваца после того, как большую часть техники они отправили на потенциальный фронт,

оставалось всего два танка. Из них на ходу был только один, он и сделал три точных выстрела по взбесившемуся собрату, но остановить его не смог.

– Где сейчас этот танк?

– Он идет к городу, мы бессильны!

Майор Стадник оглянулся на сейф.

– Кто говорит? Кто на связи?

– Это капрал Готовина, господин майор, третий сектор!

– А Норач где?

– Убит, господин майор, танк его раздавил!

– Держите периметр! – отдал приказ майор, хотя понимал, что в этом нет никакого смысла. – Сейчас подойдет помощь.

И отключил рацию, чтобы больше ничего не слышать.

Так... ключ. Где ключ? Проклятие, где ключ... Вот он! Черт, почему он до сих пор не сменил замок... замок заедает... надо было вовремя взять масленку и смазать его, чтобы теперь не... так... надо ногой прижать... если ногой прижать как следует, замок сработает... вот так... еще... получилось!

Майор оглянулся, подбежал к окну, схватил лежащий на подоконнике дипломат. Вытряхнул все, что было в нем, на пол, подбежал к сейфу и начал сгребать деньги. Деньги были не обандеролены, в самых разных купюрах, часть перехвачена резинками, часть скрепками, а часть была просто так. Он как раз хотел разобрать их, отложить свою долю, когда началось...

В дверь постучали, майор нервно оглянулся, достал из ко-

буры пистолет. Дверь была заперта, он никогда не оставлял открытыми никакие двери.

– Кто там?

– Это я... Митрич!

Черт...

– Подожди минуту!

Деньги не влезали в дипломат... черт, кто придумал собирать такими мелкими купюрами... хотя какие могут быть другие, эти деньги пара тысяч человек сдала, накопилось. Черт, не влезает. Не влезает!!!

Майор выкинул обратно в сейф сначала одну пачку, где было много мелких денег, потом другую. Навалившись, ему удалось-таки закрыть крышку дипломата и защелкнуть замок. Захлопнув дверцу сейфа, с пистолетом в одной руке и дипломатом в другой он прошел к двери.

– Ты там?

– Давай быстрее!

– Сейчас открою.

Поручик Митрич был в полевой форме, с автоматом, ви-сящим не по уставу, но так, чтобы им можно было быстро воспользоваться. Он тоже служил в специальной полиции. И знал, что, если до буквы соблюдать устав, в лесу не выживешь. Майор перетащил его с собой в город, за это Митрич был ему благодарен.

– Где танк?

– Маневрирует в промзоне. Его не остановить. Нечем. На-

до уходить...

– Кто командует?

– Никто не командует, господин майор! Мы должны увезти деньги! Нам за деньги голову снимут!

Собственно говоря, именно это майор и собирался сделать. Но все равно приятно, когда твои мысли разделяет еще кто-нибудь.

– Ты прав. Но должен кто-то командовать.

– Божекович пусть командует! Он отвечает за внутреннюю территорию.

– Он жив?

– Минуту назад был жив. Пойдемте, господин майор, пока сербы не поняли что к чему. Тогда нам не вырваться...

Это так... В городе один охранник приходится примерно на тридцать человек «работающего персонала». Не сдержать... должны подойти армейские части, тогда можно будет что-то решить. Пусть военные расхлебывают... это у них, черт возьми, угнали танк, большие неоткуда, пусть теперь и останавливают его как хотят...

– Уходим, – окончательно решил майор.

Вместе они сбежали вниз, там уже занимали позиции немногочисленные солдаты, у них было оружие для борьбы с массовыми беспорядками и винтовки. Ни пулеметов, ни гранатометов – они здесь были просто не нужны. Увидев убегающего дежурного офицера, они ничего не сказали – бессмысленно. Просто все для себя в этот момент решили, что

как только офицер скроется из вида – нечего здесь станет делать и им. Это были не двадцатые, не тридцатые и не сороковые, когда хорваты убивали и умирали с именем Христовым на устах за свою веру¹⁸. Тогда все сражались за идею, за Великую Хорватию, и ради этого готовы были умереть. Сейчас... сейчас шел век двадцать первый, и они видели поспешно сматывающегося дежурного офицера с ординарцем и мешком, в котором несложно было догадаться что. За это – они умирать не собирались...

Не те сейчас времена...

На улице майора и поручика ждал закрытый внедорожник «Puch G» с выключенным мотором, водитель зачем-то вышел из машины и стоял на колене, направив ствол автоматической винтовки туда, откуда раздавались звуки стрельбы...

Идиот...

– Ты что делаешь, кретин?! Ты что, собираешься этим остановить танк? Заводи машину, козлина!

– Простите, господин поручик... – растерялся солдат.

– Заводи!!!

Двигатель схватился с полоборота, ровно взревел. Майор, не выпуская кейс из рук, запрыгнул на заднее сиденье, рядом плюхнулся поручик.

– Куда, господин майор?

¹⁸ Хорваты – католики, сербы – христиане, в то же время это один, по сути, народ, просто часть его сменила веру. Немалую роль в разжигании конфликта и в этом мире и в нашем сыграла Римская католическая церковь.

– Гони к четвертой проходной. Быстрее!

Машина покатила вперед, набирая ход. Было понятно, что в городе происходит что-то неладное. Кто-то бежал от промзоны, кто-то – наоборот, туда, прямо посреди дороги стоял большой автомобиль, и в нем никого не было. Шофер смылся.

Откуда-то из подворотни хлестко прогремела очередь. Люди были уже на проезжей части, было плохо видно, вооружены они или нет.

– Гони! Дави!!!

Машина прыгнула вперед, люди разбегались. Ровные блоки одинаковых кварталов неслись все быстрее.

За спиной стреляли...

Навстречу проскочил бронетранспортер – сняли с поста, понятно. На броне сидели люди. По современной моде бронетранспортеры оснащали одной пулеметной установкой калибра 13 миллиметров¹⁹, она была дистанционно управляемой и совмещенной с приборами наблюдения, но танковую броню такие пули могли лишь поцарапать.

– Не останавливаясь, проскакивай. Сигналь!

Внедорожник взвыл клаксоном, замигал фарами. Бойцы узнали машину начальствующего состава, поспешно поднимали шлагбаум.

Проскочили.

Дорога летела под колеса...

¹⁹ Типично германский калибр. В нашем мире 12,7 – стандарт НАТО.

– Вырвались, – озвучил майор.

Живы – и слава Иисусу.

– Откуда взялся этот чертов танк? – нервно спросил майор. – На следующем повороте поверни налево.

Надо сдать деньги.

Они свернули с большой дороги на объездную, пустынную – им надо было объехать Пожаревац по большому кругу и оказаться с другой его стороны, там, где будут их ждать посланцы из Загреба, но при этом постараться не напороться на танк. На дороге никого не было – ни единой души. Поручик Митрич пристегивался, майор иронически посмотрел на него:

– Не поздно пристегиваться? Теперь до самой смерти не умрем...

На майора смотрел револьвер.

– Так точно, господин майор.

Хлопнул выстрел. Потом еще один... В салоне запахло перцовым экстрактом, майор взвыл, хватаясь за лицо, капсаицин драл кожу, слизистые. Машина завияла по дороге, бросилась влево, потом вправо, прямо в кювет...

* * *

«Puch G», прочный армейский внедорожник, сделанный на базе «Даймлера», даже в такой критической ситуации хорошо перенес аварию – кузов хоть и повело, но он остал-

ся цел. У лежащей на боку машины открылась дверь, из нее выбрался поручик Митрич. В руках у него был дипломат, отобранный у тяжело раненного майора Стадника. Справа на лице виднелась глубокая, оплывающая кровью царапина, глаза слезились, лицо было красным...

Поручик осмотрелся, втянул носом воздух, как хищный зверь, и улыбнулся. Пахло бензином. То, что надо...

Он наклонился, рукой, затянутой в перчатку, сорвал немного сухой травы, достал из кармана зажигалку, поджег и бросил на машину. Не загорелось. Сорвал еще, зашел с другой стороны. Раненый Стадник – он-то в отличие от Митрича пристегнут не был, и его как следует приложило, а водитель и вовсе погиб – смотрел на него.

– Марко... За что?..

Поручик улыбнулся, бросил горящий комок травы. Полыхнуло жадное, желтое, всепожирающее пламя...

– Не «за что?». А «почему»? – назидательно произнес он.

Причина проста. Деньги. Тот самый чемоданчик – там ой как много!.. Вдобавок еще и то, что он успел скопить... все это тоже пригодится. Он больше не собирается жить в этой безумной стране, не собирается рисковать жизнью, чтобы охотиться на зверей – сербов. Он больше не собирается подчиняться ублюдкам. Finita! Basta!

Все просто. Кто поймет, что на самом деле произошло, когда творится такое. Он давно прицеливался на содержимое сейфа, но, только когда объявили тревогу, понял – вот

оно. Единственный шанс, который выпадает в жизни. Имея доступ к командной сети, он специально отдал несколько неправильных и взаимоисключающих приказов, чтобы неизвестно чей танк погулял по территории подольше, а потом взял машину и рванул к зданию комендатуры. Никто не заметил, что, когда они проезжали четвертый блокпост, он специально спрятался за спинкой высокого переднего сиденья внедорожника – кто из солдат разберет, сколько людей было в машине, двое или трое? Его видели только те солдаты, которые готовились занимать оборону в комендатуре – но не факт, что они успеют обо всем рассказать, не факт, что они вообще выберутся из Пожареваца живыми. Похоже, это сербский мятеж... наверняка поддержанный русскими, русские узнали, что против них готовится, и решили нанести опережающий удар. Наверняка это специальные силы русских... не может быть, чтобы это был только один танк. Пока со всем этим разберутся... пока подавят мятеж... он будет уже далеко.

Картина. Машина превысила скорость, водитель не справился с управлением, и машина упала в кювет. Следов от пуль нет – это же капсаицин, перечный экстракт, и не более того. Машина слетела в кювет и загорелась. Кто теперь разберет, где деньги, куда они делись. Может быть... майор Стадник положил их в холщовый инкассаторский мешок, как обычно это делалось, и они сгорели, а возможно – еще что-нибудь.

Надо только пройти несколько километров по лесу, к дорогам не выходить. У него кроме газовых патронов к револьверу есть и настоящие, и есть еще пистолет, хороший пистолет. Он служил в специальной полиции, в лесу он ходить умеет, выживет. Потом надо угнать машину. Недалеко от Загреба есть тайник, там он спрятал еще деньги, одежду, оружие и три комплекта документов, два из них чистые, в том числе паспорт подданного Священной Римской Империи Германской Нации, он отнял его у контрабандиста, похожего на него внешне. Любой нормальный, не щелкающий клювом полицейский за пару лет службы обязательно обзаводится небольшим капиталом, хотя бы одним нелегальным стволом и хотя бы одним чистым паспортом на всякий случай.

А сербы... а нехай этих сербов! Пусть их воюют.

Подобрав дипломат, поручик пробежал несколько десятков метров по каменной насыпи, чтобы не было следа, идущего от машины. Впереди речка, он пошел по ее берегу в лес. Несколько километров – и свободен...

* * *

Сильно побитый пулями, с сорванными экранами и элементами динамической защиты танк, заехав в какой-то заброшенный цех металлургического завода, отвечал огнем из спаренного с пушкой пулемета. Снаряды еще не кончились,

а вот к крупнокалиберному все ленты, их было пять по сто плюс та, что в пулемете, вышли. У танка были еще и гранатометы, заряженные осколочными гранатами – на случай, если танк будет подбит и окружен пехотой, но как ими пользоваться, казаки не знали. И хорошо, что не знали...

Они сидели в танке оглохшие, надышавшиеся пороховыми газами, как избавляться от стреляных гильз они тоже не знали, продувка ствола была автоматическая, а вот в гильзах оставалось. Когда по танку бил осколочно-фугасный, им казалось, что они находятся внутри огромного колокола.

Но самое главное – они были живы. Все.

– Что делаем-то? – Чебак закашлялся, он был красный как рак, чуть не угорел. Ладони обожжены от гильз.

– Что-то... Что осталось-то? – крикнул с места мехвода Певцов, уже окончательно в этой роли освоившийся. А что – штурвал и педали, коробка полуавтомат, знай рули. Конечно, если были бы ПТУР – недалеко бы дорулили – но...

– Шесть... Кажется.

– А к пулемету?

– А черт знает. Есть сколько-то...

Сотник Велехов сунулся вниз, он тоже оглох от огня крупнокалиберного пулемета.

– Добиваем БК и уходим...

– Давай вперед!

Рыкнул дизель, танк покатился вперед, попирая гусеницами бетон. Стоило выкатиться из-под прикрытия – по тан-

ку открыли огонь.

– Левее! Они за тем строением!

– Певец, давай разворот вправо, примерно двадцать...

– Целься!

Казаки так и не освоили поворот башни, не могли поднимать пушку ни вверх, ни вниз, но как стрелять – освоили. По технике... ее и осколочно-фугасный выбивал, а местные бронетранспортеры были большими уродливыми коробками на колесах. По живой силе... они били по зданиям, и живую силу косило разлетающимися осколками. Помогал и пулемет – им-то можно было работать как угодно, вверх, вниз...

– Огонь!

Ухнула пушка, запахло пороховыми газами. В километре, там, где была железнодорожная станция, встал бурый столб разрыва.

– Соболь проскочил?

– А бес его знает... Кубыть, проскочил...

Оставив и заминировав танк, они перебежками продвигались к центру города. Стрельба была спорадической – то вспыхивала, то стихала, то снова вспыхивала, но уже в другом месте. Что-то уже горело, улицу перекрыли грузовиками, по меньшей мере, в двух местах. Где-то стучал крупнокалиберный пулемет, размеренно, солидно и жутко.

– Давай я прикрою...

Сотник перебежал через дорогу, сверху откуда-то выстрелили, но неточно, пули ударили по асфальту в несколь-

ких метрах, оставили выбоины и отприкошетили. За спиной несколько раз хлопнула винтовка...

– Давай!

Теперь прикрывал уже Велехов, под прикрытием его винтовки дорогу перебежали остальные. Чебак сильно отравился, до сих пор был красным и шатался, как пьяный.

– Как? Добежишь?

Чебак сделал зверскую морду:

– Вас перегоню...

– Тогда двигаемся.

Проулком – здесь не стреляли и никого не было, они перебрались на соседнюю улицу. Здесь было много заборов из сетки-рабицы, они были почти между всеми домами, напоминая, что это все же не обычный город – и путь преграждают, и видно через них, и не скроешься, стрелять можно. Но тут забор кто-то повалил. Если в городе держать оборону – теперь эти заборы станут проблемой уже для самих хорватов.

– Собошь!

Желтый грузовик стоял у одного из домов, около него толпились сербы. То, что привез этот грузовик, было как нельзя кстати – двадцать с лишком тонн груза.

– Козаки! Не пуцать! Не пуцать!

Несколько человек, уже получивших оружие, охраняли раздачу.

– Драганка!

Девушка, увидев Чебака, налетела на него, да так, что он

от неожиданности и слабости свалился с ног, и они вдвоем грохнулись на асфальт.

– Ты ранен?!

– Так и здорового сшибешь... – засмеялся кто-то...

– А Радован? – спросил громко сотник, ни к кому конкретно не обращаясь...

– Расстреляли Радована, пан казак... – ответил один из сербов, уже вооружившийся, Велехов видел его раньше, хоть и не знал по имени – он раненый был, всех раненых хорваты добили. Нет больше Радована...

* * *

– Твердо решил?! – Сотник испытующе смотрел на Чебака. Дело было уже в лесу, в нескольких километрах от Пожареваца. Где-то левее кружился, стрекотал вертолет, с разных сторон до них то доносился, то затихал грохот выстрелов. Чебак от чистого лесного воздуха уже оправился, выгнал из легких отраву. Рядом с ним стояла Драганка, сжимая в руках трофейную снайперскую винтовку с глушителем – мощное, точное и убойное оружие. За ними стояли еще несколько сербов, примерно два десятка.

– Твердо, господин сотник. Не отпустите добром – уйду сам, знаете, без воли казака нет. Христом богом прошу, господин сотник.

– Да ты не христобожирай... – раздраженно произнес

Велехов, – понимаешь, что, скорее всего, не выйти отсюда? Надо к границе прорываться, сразу, прямо сейчас, иначе конец. Что за вожжа тебе под хвост попала? То с бандюками боролся – а теперь сам стать бандюком хочешь. Разве дело это для казака, что я кругу скажу?

– Так и скажите, господин сотник, – за правое дело, за братья своя и голову сложить не грех. А здесь братья мои. И жена.

Сотник посмотрел на стоящих за ним казаков, Певца и Соболя. И Божедара... с ними были и сербы, те, кто решил прорываться в родную уже Польшу сразу. За Чебаком стояли те, кто решил задержаться в Австро-Венгрии и «погулять» здесь.

– Право, дай дозволу, пан сотник, – улыбнулась Драганка, – не пропадем. Погуляем и выйдем с честью.

– Дело твое... – решился сотник.

– Спасибо, господин сотник. Удачи вам.

– Храни вас Дева Мария и святой Лазарь²⁰, – перекрестила их Драганка.

– И вам помогай Господь... – Сотник кое-что вспомнил: – Ты мне только вот что скажи. Когда сюда шли – твой отец к нам в распоряжение ходил?

– Ходил, пан сотник, – вспомнила Драганка, – было...

– А с кем он из наших гутарил, не знаешь?

– Он никогда о том не говорил. Молчал. Ну...

²⁰ Святой Лазарь – покровитель Сербии.

– Не прощаемся, – отрезал сотник. Потом повернулся и пошел... ему надо было вывести с враждебной территории два десятка людей, и почти без оружия, оружие они отдали тем, кто оставался здесь. Сотник Велехов еще не знал, что там, куда они идут, в Висленском крае, уже взметнулось высоко в небеса страшное пламя рокоша...

7 июля 2002 года

Великая Хорватия

Окрестности Пожареваца

Надменный черный седан-лимузин «Штайр-Даймлер-Пух», сопровождаемый конвоем из бронетранспортера и грузовика с пулеметом и пехотой, остановился возле штабной машины – неуклюжего бронированного ящика на колесах, стоящего прямо на дороге, сейчас закрытой для проезда гражданского транспорта. Рядом с ним стояли пять легких гусеничных транспортеров пехоты типа Steyr, стволы их скорострельных пушек были направлены в лес, зловеще чернеющий метрах в двадцати от дороги. Здесь, на юге Европы, лес никогда не подступал вплотную к дороге, его вырубали.

Грохнули по асфальту сапоги – в австро-венгерской армии до сих пор было принято подковывать сапоги небольшими подковками, бойцы специальной охранной роты расконцентрировались, обеспечивая периметр. Только после этого из лимузина вышел среднего роста толстяк – он ходил, переваливаясь, и его лицо было красным от пьянства. В армии, тем более в хорватских частях, Рудольфа Добея просто ненавидели, и он ничтоже сумняшеся отвечал армии тем же.

Документы у Добея не проверили, дверь в мобильный штаб он открыл с грохотом, чуть не сорвав.

Офицеры, стоящие у стола над картой, повернулись к главе иностранного отдела всесильной ХауптКундшафтШтелле.

– Вы кто? – резко спросил Добель.

Коротко подстриженный офицер провел ладонью по лбу, стирая пот.

– Генерал Марко Неганович, военный министр Хорватии²¹. С кем имею честь?

– Полковник Добель, иностранный отдел, Вена. Будьте любезны...

Генерал усмехнулся:

– Немного не по вашей части, господин полковник. Здесь всего лишь мятеж.

– Это не вам решать, по моей или нет, господин министр! Под угрозой важнейшая операция. Я прибыл с секретным поручением Его Величества канцелярии!

– Тогда предъявите, – рассудительно произнес генерал, – предъявите ваши полномочия, господин Добель.

Добель бросил на стол пакет, обвязанный и запечатанный красным сургучом с приложенной печатью Королевской канцелярии.

– Извольте.

Генерал сломал печать, нацепил на нос пенсне, наскоро пробежал текст.

²¹ Напомню, что в Австро-Венгрии было три правительства и, соответственно, три военных министра.

– Можете выйти, покурить и отдохнуть... – предложил он офицерам штаба, ни к кому конкретно не обращаясь...

Офицеры вышли.

– Это наше дело... – сказал генерал, закуривая и сам, что в штабной комнате вообще-то делать было не принято, – мы сами с ним и разберемся.

– Разобрались уже. Королевская канцелярия требует немедленного доклада по случившемуся, вопрошает, как такое вообще стало возможным! Целый город разбежался по лесам, это просто немыслимо...

– Ну, не целый город... Убежало процентов тридцать-тридцать пять, остальные сочли за благо остаться и доработать свой срок.

– Успокоили! Сто тысяч человек дали деру! Сто тысяч преступников!

– Не сто, не сто... Примерно треть уже задержана и водворена на место или убита. Местные жители создают отряды народной обороны, мы перекрываем регион согласно плану. Небольшие группы пытаются просочиться, выйти за пределы региона, но мы обязательно это пресечем. Можете так и передать графу Альбрехту.

– Граф Альбрехт желает знать, как такое стало возможным?

– Как такое стало возможным? Для начала это стало возможным вследствие того, что огромное количество личного состава и техники, без какого-либо согласования с воен-

ным министерством, бросили на ваши дурацкие учения! В результате план прикрытия важнейших объектов был сорван с самого начала, и у нас совершенно нет резервов. Войска, необходимые мне сейчас, только начинают прибывать.

Добель насторожился:

– То есть? Начинают прибывать?

– То и есть. Я распорядился отозвать все хорватские войска с ваших идиотских учений. Еще надо разобраться, не связаны ли эти ваши маневры и вооруженный мятеж сербов в Пожареваце. Что-то все подозрительно совпадает по времени.

– Как вы посмели нарушить директиву Главного штаба?! – раненым медведем взревел Добель. – Кто разрешил?!

Генерал смотрел на него как на придурка.

– Уважаемый полковник, позвольте напомнить вам, что оперативное использование войск в мирное время находится в исключительной и прямой компетенции министерств обороны стран – участниц Триалистического союза. Только в военное время войска переходят в оперативное управление единого Генерального штаба. Война, насколько я помню, не объявлялась – следовательно, отдав приказ, я действовал в полном своем праве. Не согласны?

Добель задыхался от ярости, прижало сердце.

– Вы нарушили план!

– Какой план, господин полковник? – Генерал теперь говорил презрительно и зло. – О каком плане может идти речь?

Мне нет дела до ваших полевых спектаклей. У меня здесь настоящая пороховая бочка, мы сидим на ней годами, и никогда, заметьте, никогда с тридцать седьмого не просили вашей помощи. Наоборот – это мы вам всегда помогали справляться с поляками и прочей швалью. Справимся и сейчас, но вмешательства в оперативную деятельность я не потерплю, можете так и передать графу Альбрехту. Желаете нам помочь – помогите, нет – просто не мешайте. Это все, что я имею вам сказать, господин полковник.

План рушился по швам. Наиболее боеспособными частями австро-венгерской монархии были хорватские, они же обладали максимальным боевым опытом, причем опытом действий на территории, максимально схожей рельефом, климатом и прочими условиями с Польшей и Западной Россией (а чем черт не шутит). Венгры совершенно не желают воевать, а у австрийцев слабый офицерский корпус, да и рядовой тоже... не силен. Власти не могли объявить открытую мобилизацию, потому что Россия узнала бы об этом менее чем через час после такого приказа, это же двадцать первый век... Письмо от шпиона, ранее шедшее неделями, теперь долетает за секунды – зашел в интернет-кафе и скинул информацию по электронной почте. Как только Россия узнает о мобилизации Австро-Венгрии – она введет в действие план прикрытия границы и приведет в готовность части Варшавского и Висленского военных округов, заодно и Киевского – это как раз под мятеж поляков. Мятеж эти части встре-

тят в полной боевой готовности. Допустить подобное нельзя, и потому придумали легенду с учениями, только несколько человек, их количество можно перечесть по пальцам одной руки, знали, что это никакие не учения. Министр обороны Хорватии в это число не входил – и теперь он отозвал войска, лишил ударную группировку основных сил, и при этом он действительно был в своем праве! Добель хорошо знал об обстановке в Хорватии, знал о заигрывании хорватского правительства со Священной Римской империей, знал о том, что Священная Римская мечтает о том, чтобы получить прямой континентальный выход в Средиземное море, чтобы иметь связь со своими африканскими колониями, минуя Атлантику. Она и сейчас пользовалась этим путем... вот только его контролировало другое государство, а, кроме того, Священной Римской империи приходилось платить немалые провозные пошлины, пополняя бюджет своекорыстной и не самой дружественной им страны. По бюджетному соглашению, семьдесят процентов таможенных и провозных пошлин уходило в центральный бюджет, только тридцать оставалось на местах, и полковник Добель был одним из тех, кто знал, насколько сильно недовольны этим обстоятельством в Загребе и насколько искусно это недовольство подогревает Третий отдел Римского Генерального штаба. Намеки из Берлина шли совершенно недвусмысленные – лучше получать пошлины вполтину меньше, но при этом оставлять их себе целиком, ни с кем не делясь. Пятьдесят процентов – лучше,

чем тридцать, это верно... а хорваты ничуть не меньшие сепаратисты, чем сербы или... те же чехи. Оттяпали же германцы в свое время Чехию, фактически оружейную и машиностроительную кузницу Европы, в которую столько было вложено усилий и денег, взяли под протекторат. Почему бы им не попробовать и второй раз провернуть нечто подобное...

Нет, с хорватским министром обороны ссориться не стоит. Не дай бог что случится – отвечать потом ему же, Добелю.

– Я вовсе не собирался мешать вам исполнять свою работу, господин генерал, – совершенно миролюбивым тоном произнес полковник Добель, – но у меня тоже есть начальство, и Королевская канцелярия требует отчета. Что здесь такое произошло?

– Черт знает что. Мы пока не можем нарисовать точную картину, но выглядит все так, будто у мятежников откуда-то оказался танк.

– Танк?!

– Вот именно, танк.

Генерал не сказал всей правды – он знал, откуда танк, доложили: в воинском эшелоне обнаружили отцепленную платформу, саму платформу нашли перевернутой у железнодорожной насыпи, тут же были и следы танковых гусениц. Отыскали брошенную машину, судя по тактическому номеру – местная, из охранной воинской части. Получается, что преступники вне периметра каким-то образом проникли на

воинский эшелон и захватили танк. Потом направили его на Пожаревац, проломили периметр – еще бы не проломить, с танком-то – и направили его в город. Маневрировали и стреляли, пока не кончились снаряды и солярка, все боеприпасы к пулеметам также были израсходованы. Покуражились, в общем – на танках охраны видны многочисленные следы попаданий, но у охранной части не было противотанковых средств – и остановить захваченный танк не смогли. Всю эту информацию генерал остановил – он не знал пока, какую версию произошедшего он придумает, но это вываливать на стол не собирался. Понимал, что его же и сделают крайним во всей этой дурно пахнущей танковой саге.

– Именно, что танк. Нам его удалось остановить, но было уже поздно, режим безопасности был критически ослаблен, и сербы не преминули воспользоваться этим.

Причин для досады у генерала было более чем достаточно – деньги! Именно он был конечным адресатом части тех денег, которые собирались здесь каждый день. Он так до конца и не разобрался, что произошло с этими чертовыми деньгами. Группа специального назначения полиции «Лучко»²² проникла в город и заняла здание комендатуры, разграбленное и подожженное. В здании были следы жестокого боя, наспех выстроенные баррикады, кровь, гильзы. В кабинете коменданта, тоже выгоревшем, обнаружили сейф – но он оказался не запертым, как положено, а захлопнутым, и там, как

²² Есть и в нашем мире.

будто издеваясь, кто-то оставил пару пачек мелких денег. Не похоже, что остальные сгорели – не было пепла.

Потом нашли машину коменданта – сброшенную или просто съехавшую в кювет, обгоревшую. Внутри – ни малейших следов пуль, ни на телах, ни на самой машине, только трупы шофера и коменданта, майора Стадника. Выглядело все так, будто водитель не справился с управлением – настораживало только то, что произошло это довольно далеко от поворота, в который он мог не вписаться. Судя по следам, машину вдруг стало мотать по дороге, и она сошла в кювет, водитель не пытался даже затормозить. Мертвых не спросишь...

И денег нет.

Генерал подумал – стоит ли говорить еще кое-что. Потом решил все-таки сказать – это могло как раз бросить тень на иностранный отдел ХауптКундшафтШтелле. В таких делах нельзя допускать, чтобы виновен был кто-то один, потому что, если виновен кто-то один, то он и есть главный обвиняемый, а если виновны все помаленьку, то получается, что не виноват никто. К этому и надо стремиться всеми силами.

– Мы нашли еще кое-что, господин Добель.

– Что именно?

– Грузовик. Внутри периметра. А там – остатки сигарет в ящиках, промасленная ветошь. Нам кажется, что этот грузовик прорвался в периметр, на нем сюда доставили большое количество оружия. Это сделало мятеж неизбежным и слишком сильным, чтобы он мог быть подавлен сразу.

Добель насторожился. Именно его управление проводило операцию «Подснежник» – называли методом случайного подбора. В Богемии через подставные фирмы закупалось немалое количество вооружения со складов длительного хранения. Его везли в Брест²³, где грузили на корабль под нейтральным флагом, и корабль этот шел куда-нибудь на восточное побережье Африки – но по пути заходил в Рагузу и оставлял оружие там. Такой длинный путь нужен был для того, чтобы о поставках оружия не пронюхала русская разведка, при прямых поставках это обязательно бы произошло. Потом все это оружие доставлялось контрабандным путем в Польшу и доставалось там экстремистам. Добель помнил о докладе, что один грузовик со всем товаром взяли казаки, но не придавал этому значения – перевозчики работали за деньги, они просто грузили товар, ехали и разгружали его в другом месте, каждый раз в разных. Выдать информацию они не могли, потому что ничего толком не знали. На всякий случай Добель приказал очистить те склады, где была арестованная машина, перепрятать все в другое место. Ну а оружие... его было достаточно, это пусть досталось казакам, зато другое дойдет по назначению. Оружия много...

Так неужели это оружие теперь оказалось здесь?!

– А что за грузовик? – небрежно спросил Добель, скрывая страх. Если это и в самом деле ТОТ грузовик, последствия будут непредсказуемыми. Минимум, это халатность, непол-

²³ Французский Брест.

ное служебное. Максимум...

В его мире судов не бывает. Только приговоры. И исполнители.

– Большой. Здоровенная фура. Кажется, докладывали, что желтый...

Точно!!!

– Я должен его увидеть. Мы возьмем это дело с грузовиком на себя, не возражаете?

Генерал понял, что попал в цель.

– Помнится мне, что вы не имеете права проводить следствие на территории Империи, за вами только иностранные дела. Увидеть? Поглядите, господин полковник, не возражаю.

Про себя генерал Неганович смекнул, что грузовик он передаст генералу специальной полиции Шкугору, сейчас же позвонит, и пусть его люди забирают грузовик. Генерала Шкугора он знал давно... и, кроме того, он тоже был одним из адресатов пропавших денег. Общая беда сближает...

– Сейчас, я распоряжусь, чтобы один из моих адъютантов проводил вас.

Генерал вызвал адъютанта по рации, вошел подтянутый молодой майор. Старый мужеложец Добель не преминул заметить, что майор весьма привлекателен. Заметил он и то, что генерал со своим адъютантом говорили по-хорватски, а в присутствии посланника Вены это было скрытым вызовом.

– Майор Петачек проводит вас. Честь имею.

– Прошу вас...

Вместе они вышли из штабной машины на дорогу. Совсем стемнело. Тихонько накрапывал дождь.

И тут Добель поскользнулся и начал падать. Майор посмотрел на него – и растянулся на асфальте рядом с ним.

– Пуцают²⁴!

Затылок Добеля был развален, стреляли из винтовки с глушителем, бурая жижа стекала на асфальт. Глава иностранного отдела ХауптКундшафтШтелле, педераст, кокаи-нист и агент влияния британской разведки, лежал на асфальте рыхлой горой; майор Петачек, плюнув на честь мундира, прикрылся им, не решаясь встать.

В несколько стволов заговорили автоматы и пулеметы, никто не видел вспышки, не слышал выстрелов, стреляли наугад. Разнокалиберный грохот перекрыло солидное «ду-ду-ду» автоматической пушки с бронетранспортера, потом к ней присоединилась еще одна. Трассеры распарывали ночь, били по деревьям, фейерверками взлетали в небо. Кто-то начал стрелять из автоматического гранатомета, султаны разрывов встали в деревьях, наспиговывая лес осколками.

– Что произошло?! – генерал выскочил из машины – и тут же тяжело рухнул на асфальт. Один из офицеров охраны сбил его подножкой.

– Лежите, господин генерал, не поднимайтесь. Снайпер! Генерал заворочался. Он сильно ушибся.

²⁴ Стреляют!(сербско-хорв.)

– Лежите, не вставайте.

– Что с этим... полковником?

– Он убит, господин генерал. Наповал...

Кто-то догадался бросить дымовую шашку, потом бросили еще одну и еще. Густой белый дым плыл над дорогой, взревели двигатели машин, создавая дополнительное задымление – для этого в выхлоп впрыскивалась соляра.

Генерала буквально на руках втащили обратно, в бронированный кузов мобильного штаба, здесь можно было не опасаться пуль снайпера. Следом под прикрытие брони вошли еще несколько офицеров, все держали оружие на изготовку, как будто сербы могли вот-вот ворваться в штаб.

– Мы должны идти на прочесывание!

Генерал раздраженно посмотрел на говорившего.

– Вы кто? Я вас не знаю.

– Я капитан Маркович, из Специального бюро государственной охраны. Вы должны немедленно отдать приказ об этом.

Рука болела сильно, не успокаивалась. Возможно, вывих, а возможно, и что похуже. Хорошего настроения генералу это не добавляло.

– Капитан Маркач, вы здесь?

– Я здесь, господин генерал!

– Тут слишком опасно. Мы уезжаем отсюда, распорядитесь. И подберите новое место для штаба.

– Но вы должны...

Генерал предупреждающе поднял руку:

– Капитан... я никому и ничего не должен, кроме как подавить мятеж. У меня недостаточно людей, и все по вине игр, которые творятся в Вене. Если у вас есть желание идти и разыскивать ночью по всему лесу сербского снайпера, я не могу запретить вам этого. Но я намерен сделать то, что сказал – сменить место дислокации и продолжить работу. Штабные работники не будут участвовать в поисках снайпера, а в роте охраны нет ни одного лишнего человека, я и так отправил в лес всех, кого мог. Извините...

9 июля 2002 года

Афганистан, Кабул

Дворец Тадж-Бек

Время пришло. И посеявший ветер – да пожнет бурю.

Только последние два года он жил. Жил, будучи в ладу с самим собой, с людьми и с Аллахом. Остальное время он не жил – просто существовал в жутком, полном боли и гнева пространстве, отделенный стенами лютой ненависти от всех людей, от правоверных, от соотечественников. Стены были сломаны, хотя соотечественники не знали об этом. Но остались грехи. Много грехов, таких грехов, после которых ты даже не почувствуешь запаха рая – а ведь священный Коран гласит, что запах рая ты почувствуешь, когда до него сорок лет пути. И эти грехи – пусть он и стал обращенным – все равно нуждаются в искуплении, они вопиют, и голос их не заглушить ничем. Ничем, кроме крови. Своей крови, но главное – крови поработившего страну и правоверных тирана.

Человек в форме полковника Королевской гвардии Афганистана неподвижно стоял на ступенях главной лестницы королевского дворца на холме и думал. Мысли – вот то последнее убежище, куда еще не смогли проникнуть грязными

руками ищейки КАМ²⁵. Мысли ведомы лишь всепрощающему Аллаху – и он различит праведников по делам их!

Дело Махди грядет!

Полковник думал о короле. О тиране. О диктаторе, чья кровь нечиста, но еще более нечисты его помыслы.

Как уберечься? Как удержаться на троне, под который мечтает подложить бомбу каждый? Как уцелеть и продолжить династию?

Первый и самый главный вопрос: как разъединить врагов? От того, будут враги разобщены или они будут едины, – зависит твое будущее и как монарха, и просто как человека, живого человека. Король Гази-шах проводил хитрую и тонкую политику: в стране были две параллельные армии – собственно армия и Королевская гвардия, было министерство внутренних дел и была КАМ – служба безопасности. Из армии были выделены войска коммандос, один из спецбатальонов коммандос располагался совсем рядом – в старинной крепости Бала-Хиссар. Все эти силовые структуры возглавляли люди из пяти разных племен и религиозных групп, самых сильных племен в Афганистане. Милиция, например, была отдана бывшим правителям – дуррани, армия возглавлялась человеком из племени джадран, КАМ до того, как его убили, возглавлял генерал Абад – презренный шиит, которому ни один уважающий себя афганец и пуштун не подаст руки. Все они воевали один против другого десятилетиями

²⁵ КАМ – афганская служба безопасности при короле.

и испытывали один к другому как минимум глубокое недоверие, а то и ненависть. Ни один из них не понимал и не хотел понимать, что все они – и даже покойный генерал Абад – мусульмане, правоверные и братья в вере своей, и только потом – афганцы и сыновья своих племен. Рука Гази-шаха, ведомая самим Иблисом, непрерывно сеяла вражду среди них, король приближал то одного, то другого, одаривал их землями и привилегиями – и другие тотчас становились злейшими врагами приближенного, мечтая увидеть его падение, как только что наблюдали его возвышение.

Воистину, сам Иблис не мог придумать ничего лучше, чтобы смущать рабов Аллаха и сбивать их с ведущей к Аллаху дороги!

Вторым кольцом безопасности была Королевская гвардия. Как найти истинно преданных людей в окружающем тебя море ненависти? Король Гази-шах решил и эту проблему. Он подбирал мальчиков из мелких, разоренных более богатыми соседями пуштунских племен, а то и вовсе покупал на базаре в британской Индии, когда таковых не хватало. Этих мальчиков – возрастом от семи до девяти лет – отдавали в Королевский военный колледж, где они жили на полном пансионе за счет короля и учились военному делу. Здесь, в Королевском колледже, преподавали британцы, розгами и хлыстами они внушали повиновение и страх. Каждое утро, во время утренней пробежки, мальчики прославляли короля, напевая песню, которую, по слухам, сочинил сам Гази-шах.

В четырнадцать лет каждого ждало посвящение. Каждый из них во время посвящения должен был убить человека. Преступника. Осужденных привозили на базарную площадь, это был базар Шар-шатта, располагавшийся неподалеку от мечети Иджах, главной мечети Кабула. Туда, на базарную площадь, сгоняли правоверных после намаза, сгоняли штыками – а многие, из тех, кто торговал на базаре, шли сами, ибо люди любят кровавые зрелища. Из тайной спецтюрьмы КАМ, располагавшейся где-то в Кабуле, на площадь привозили приговоренных – люди знали, что вся вина этих приговоренных лишь в том, что они почитали Аллаха и осмелились назвать вслух Гази-шаха вероотступником. Там же строили виселицы, и каждый из будущих офицеров Королевской гвардии должен был повесить человека. Они исполняли приговор без масок, чтобы люди видели их лица и запоминали. И каждый раз, когда свершался приговор, умирал не один человек, умирали двое. Просто для одного из них смерть была отсроченной.

Полковник помнил своего приговоренного до сих пор. Это был пожилой человек, с убеленными сединой волосами, более того – это был мулла. Он окормлял народ в одной из мечетей Джелалабада, пока не осмелился публично бросить слова обвинения в лицо брату короля, принцу Акмалю. Прямо в мечети его схватили и бросили в багажник машины принца его нукеры, боевики наркомафии. Потом муллу привезли сюда на казнь.

Он взошел на эшафот, оглядел мертво молчащую толпу. Посмотрел в сторону навеса – там, на плоской крыше одного из домов, окружающих базарную площадь, расположился король с наложницами и наблюдатели из британской миссии – они тоже любили смотреть на казни, эти бледнолицые дьяволы. Потом посмотрел на четырнадцатилетнего мальчишку, который должен был надеть ему петлю на шею и открыть люк под ногами, увидел его дрожащие руки и сказал, сказал тихо, чтобы никто не слышал: «Не бойся. Не ты убиваешь, а они убивают. Делай свое дело, и да помилует тебя всепрощающий Аллах».

Полковник помнил это до сих пор.

Третьей мерой предосторожности были британцы. Британский экспедиционный корпус – сейчас его возглавлял рыжий бородатый гигант МакДжинти, – они стояли базами в Джелалабаде, Кабуле, Баграме и Кандагаре, который был последним рубежом обороны афганского монарха. Именно в расположение британцев он собирался бежать в случае чего – несколько раз отрабатывалась срочная эвакуация. Британцы обладали самолетами и вертолетами – эти небесные колесницы, мечущие огонь и смерть с неба, которые не достать меткими пулями пуштунов. Британцы держали Кабул – эту цитадель власти и подобия порядка в стране. Британцы были хозяевами в этой стране – и король соглашался с этим.

Но даже с такими мерами предосторожности полковник не понимал, как всемогущий Аллах до сих пор не покарал

его, этого гнусного вероотступника, этого ренегата, каждый вздох которого является оскорблением Аллаха. Всевышнего...

Король Гази-шах был не просто мунафиком – он был гораздо хуже. Все, буквально все, что он делал, несло на себе отпечаток рук Иблиса и обещало вечное пламя, в котором будут корчиться вероотступники. Король воровал из казны и переправлял это на свои тайные счета, полковник сам не раз сопровождал его в поездках в Швейцарию. Король имел гарем, в котором были как мальчики, так и девочки – он любил помоложе, и иногда в гарем ему дарили восьмилетних! В гневе король убивал, он постоянно носил с собой пистолет, и полковнику дважды приходилось выбрасывать ночью трупы в реку Кабул – это только в его дежурство, а что было в другие? Король покровительствовал наркоторговле – этому бичу Афганистана, мерзкому и богопротивному делу, которое Раббани и его приспешники посмели объявить угодным Аллаху – как только язык повернулся объединить имя Всевышнего и этот мерзкий яд! Король приближал к себе откровенных негодяев – взять того же доктора Раббани²⁶, такого же, как и он, любителя маленьких детей, проклятого уммой²⁷. Иногда королю было скучно – он ехал по Кабулу в одной из

²⁶ Да, да... Тот самый Раббани. И про его слабость к детям – тоже правда. Он учился на теологическом факультете Кабульского университета и в нашей жизни, но потом его выгнали. Он говорит, что за противодействие властям, но на самом деле – за изнасилование детей.

²⁷ Умма – мусульманская община.

своих машин, видел идущего по тротуару ребенка и призывал своим нукерам, в числе которых был и полковник, затащить ребенка в машину. Потом он развлекался с ребенком всю ночь, и если тот к утру еще был жив, отдавал его офицерам Королевской гвардии. Тело выбрасывали в ту же реку Кабул, а несчастная мать рвала на себе волосы и чернела от горя.

Воистину, такой преступник не имеет права на жизнь. Махди прав!

Но король, страшась гнева Аллаха и гнева людского, принимал и самые обычные меры предосторожности – полковник знал их, как никто другой, потому что и его самого учили этим мерам в далекой, полной дождей и туманов стране. Кортёж короля состоял из десяти машин. Первыми шли два бронетранспортера – британские «Сарацины», устаревшие, но модернизированные, оснащенные скорострельными пушками от истребителей и очень надежные. Потом шли один за другим семь одинаковых «Рейндж Роверов» без номеров – в который из них сядет король, становилось известно только перед самым выездом, и выбирал лично король. Замыкал колонну такой же «Сарацин». В любой поездке короля сопровождали не менее пятидесяти человек – отборные офицеры Королевской гвардии, прошедшие подготовку в Великобритании на спецполигоне в Херефорде и каждые два года отправляемые в Великобританию на переподготовку. Возглавлял кортеж старший офицер в чине не ниже полковника.

Опасаясь, король почти никогда не пользовался самолетами и вертолетами, хотя и тот, и другой у него были. Если нужно было куда-то лететь, он пользовался не своими вертолетами, а вертолетами британской миссии, и два вертолета, с королем на борту одного из них, сопровождали два боевых вертолета, а все экипажи вертолетов были британскими.

Но сегодня дежурным офицером и руководителем группы охраны был он. Махди благословил его – и возмездие свершится.

Сегодня.

Один из офицеров, майор Нур Шаид, приблизился к тяжело опершемуся на мраморные перила лестницы полковнику:
– Господин полковник, с вами все в порядке?

Полковник вернулся из мира кошмаров, в котором он пребывал. Да, так жить нельзя – только искупительная жертва положит конец всему этому.

– Какого черта?! Все в порядке!

Майор вздрогнул от рыка, но все же доложил:

– Господин полковник, Его Величество изволят одеваться. Скоро поедem.

– Проверь машины!

– Слушаюсь...

...После казни тех праведников курсантов отвезли обратно в казармы и дали джина – проклятого напитка неверных, валящего с ног. Тогда он напился до полного бесчувствия, чтобы забыть, хотя знал, что забыть не удастся. Наутро они

узнали, что двоих из них забрал к себе Аллах – видимо, самых достойных, чтобы не дать им совершить еще больше злодеяний и заслужить еще более страшную кару. От остальных Аллах отвернулся...

Долгие годы он поднимался по служебной лестнице. В Гвардии царили волчьи законы – убей, или будешь убит, донеси, или донесут на тебя. Все казни офицеров Гвардии поручались самим офицерам Гвардии – один раз он вынужден был повесить своего лучшего друга, вина которого заключалась всего лишь в том, что он по пьяни осмелился непочтительно высказаться о монархе. Это была самая омерзительная традиция – если кого-то нужно было пытать и убивать, то поручали это всегда лучшему другу, самому близкому человеку, делая так, чтобы офицеры ненавидели не только весь мир, но и друг друга, чтобы никто никому не доверял. И он сделал это, и даже не потерял свою бессмертную душу, ибо нечего было терять. Он пил спиртное, он пытал, он убивал. Когда к ним в казармы спускали из королевских покоев изнасилованного ребенка, он тоже его насиловал, а один раз – по жребию – ему довелось добить ребенка. Все это он делал и в последние два года, но теперь он делал это не просто так, и все жертвы, павшие от его руки, были принесены Аллаху. Все они невинны, и рай отныне будет им домом.

Полковник снова вернулся в реальный мир, когда на ступенях уже раздавались шаги – шел король. Король получил звание полковника одного из британских полков – непонят-

но зачем. И он с тех пор часто надевал красную, шитую золотом, попугайскую форму чужого государства, чужой армии, чужого народа, пролившего столько афганской крови. О мудрейший Аллах, можно ли еще как-то надругаться над этой бедной страной?!

Полковник успел принять стойку «смирно» и отдать честь королю, когда тот появился на самом верху мраморной парадной лестницы. Не обращая на него внимания, тяжело переваливаясь (в последнее время король очень пополнил), король прошествовал к дверям, которые ему открыл согнувшийся пополам в поклоне слуга.

Надо идти.

Проверив пистолет – он у него всегда лежал в кобуре на правом боку, и еще один, небольшой, в левом кармане, полковник поспешил за королем. Король уже сел в какой-то из «Рейндж Роверов», охрана спешно рассаживалась в остальные. Полковник вскочил в первую машину, поморщился от ужасающей вони выхлопных газов, издаваемых двигателем «Сарацина».

– Первый всем – проверка!

Привычно зазвучали доклады о готовности. Полковник слушал их, пока не услышал искомое, то, что и требовалось.

– Их Величество приказывают ехать в британскую миссию.

Британская миссия! Там будет этот бледнолицый ублю-

док, который сам не раз развлекался во дворце с бачами²⁸! Неужели Аллах улыбнулся ему?! Карающая десница Аллаха поразит не только муртада и мунафика, но и бледнолицего бачабоза!

Аллах Акбар!

– Первый всем! Британская миссия! Отправление немедленно. Докладывать обо всех угрозах!

Окутавшись дымным облаком выхлопа, перед ними тронулся «Сарацин» – топливо в Афганистане было неважным, и поэтому двигатели часто выходили из строя. Этот, судя по всему, еще немного – и придется менять.

...Британская военная миссия располагалась в международном аэропорту Кабула – это было доброй британской традицией, все их военные базы и миссии располагались на базе аэропортов. Помимо находящегося на поверхности смысла – британцы сильны авиацией, и им нужны были аэродромы, чтобы максимально эффективно использовать свои возможности в воздухе, – был еще один смысл, который никогда и никем не озвучивался. Наличие британских гарнизонов в крупных аэропортах повышало стойкость местных элит и их готовность бороться с любыми беспорядками. Поскольку они знали, что в случае мятежа воздушный путь – самый

²⁸ Бача – мальчик, паренек. Из-за скотского отношения к женщинам и из-за практики гаремов женщины в Афганистане были доступны далеко не всем, и поэтому распространено было сожительство с несовершеннолетними мальчиками. Гомосексуальных педофилов называли бачабозами, но это слово не имело ругательного смысла.

короткий и надежный путь, по которому можно сбежать из охваченной мятежом страны, – контролируют британцы, и именно они станут решать, кому будет разрешено покинуть страну, а кто попадет в руки мятежников. И попавшие в капкан элиты, по сути заложники в собственных странах, были готовы на все.

Дорога к аэропорту – она была единственной и довольно длинной, аэропорт находился за городской чертой – хорошо охранялась британскими военными патрулями. На подходе – крупный чек-пойнт британцев, с бетонными постройками в два этажа высотой, с пулеметами, с легкими пушками: у британцев до сих пор не было надежного автоматического гранатомета, и они предпочитали в качестве усилителя огневой мощи мелких подразделений использовать легкие скорострельные пушки. Бронетранспортеры – такие же «Сарацины», уставившиеся стволами своих авиационных скорострельных пушек на Кабул. Чуть дальше, обложенные бетонными блоками, в мощных капонирах, – самоходные гаубицы последнего поколения, стреляющие на пятьдесят километров и накрывающие залпом всю кабульскую зону. Зона безопасности – с минными полями, защищенными от тайного разминирования оградами из колючей проволоки и патрулями на вооруженных двумя-тремя пулеметами «Шерпах». Полковник знал, что дежурная пара боевых вертолетов находится на аэродроме в пятиминутной готовности, еще две патрулируют сектор – вокруг становилось все опаснее и

опаснее, русские наращивали поставки бунтовщикам, и теперь даже безопасно взлететь было нельзя.

Кортеж короля пропустили без досмотра, только по звонку командующего миссией генерала МакДжинти. Одна за другой машины, пропетляв через разложенные в шахматном порядке на дороге бетонные блоки, проехали на базу. «Сарацины» конвоя остались на внешнем радиусе, внутрь их не пропускали никогда.

Изнутри, с этой стороны колючей проволоки, база «Кабул» выглядела точно так же, как любая другая британская база в этом регионе мира. Сектора безопасности – сверхпрочная, крупноячеистая сетка на поднятых вверх на высоту семи-восьми метров столбах – вроде как защита от мин. Большие прицепы со скорострельными пушками – это были «Голкиперы», пришедшие с флота системы активной защиты наземных баз, теоретически способные отследить даже падающую мину и разнести ее на куски струей тридцатимиллиметровых снарядов. «Голкиперы» были поставлены на автоматический режим, и полковник сам, своими глазами видел в один из прошлых визитов сюда, как красная струя снарядов разрезала напополам возвращающийся с задания беспилотный разведчик – видимо, случайно его курс пересекся с чем-то, что система опознала как мину. Все солдаты внутри базы вооружены и в бронежилетах – иначе не выплатят страховку в случае ранения или гибели. Две теннисные площадки, на которых сражались в теннис офицеры. Длин-

ные ряды палаток, ангаров, жилых модулей. Все это располагалось рядом с гражданским аэропортом Кабула и превосходило его по занимаемой площади вдвое.

Глава британской миссии находился в оперативном штабе, до сих пор бессмысленно работающем, хотя всем было понятно, что спасательная операция, которая была способна пролить на офицерский состав базы дождь из наград, бездарно провалена. Но все равно временный штаб, разместившийся в нескольких больших модулях и украшенный затащенной на крышу одного из них установкой спутниковой связи, до сих пор работал.

Король не знал последних данных, которые получили британцы и которые повергли их в шок, а потому зашел в основной модуль, где был и генерал МакДжинти, без малейшей задней мысли.

Генерал, окруженный офицерами штаба, поднял голову от стола с расстеленной на нем картой севера Афганистана.

– Ваше Величество... – В голосе его прозвучало почти нескрываемое злорадство, но король не обратил на это высочайшего внимания.

– Генерал?

– Какие новости? Как продвигаются поиски?

– Поиски успешны. Рота моих лучших следопытов взяла след шайтанов, не позднее, чем завтра вечером...

Как все британцы, генерал обожал бокс. Бокс был страстью британских офицеров, бокс был своего рода замените-

лем дуэли, боксу учили во всех военных заведениях Британии – и свинг генерала, пусть и утратившего с возрастом часть ловкости и силы, был хорош. Пролетев над столом, кулак британского генерала врезался в челюсть короля и отбросил его на самую стенку модуля. Король даже не успел понять, что произошло.

– Вон! Все – вон!

Генерал был в предельно плохом настроении со вчерашнего вечера, и офицеры старались сделаться бесплотными тенями, только чтобы не попасть под начальственный гнев, не стать тем камешком, который сдвинет с места сметающую все на своем пути лавину. Генерал был в плохом настроении уже несколько дней, с тех пор как виртуозный удар русских разнес в клочья несколько объектов на территории Афганистана и полностью парализовал наркоторговлю, но после вчерашней выволочки, которую ему устроил по телефону начальник генерального штаба фельдмаршал сэр Антон Карвер, генерал и вовсе был зол как черт. Слово «отставка» не прозвучало, но было понятно, что от него сейчас ждут именно этого.

Отставка...

Русские взяли в плен августейшую особу, внука королевы! Это позор, больше которого может быть только русский флаг с двуглавым орлом на Букингемском дворце! И хотя русские сами постарались, чтобы позора было как можно меньше – меньше его от этого не становилось.

Генерал знал мало, фельдмаршал сэр Антон был в такой ярости, что сам едва мог говорить. По-видимому, принц, которого они проворонили самым безумным образом, был подобран на земле Афганистана после авиакатастрофы и вывезен из-под самого носа британских и афганских войск силами русских. Скорее всего – спецназ, проклятый спецназ, они чувствуют себя в Афганистане как дома, вербуют пуштунов и поставляют племенам оружие! Это надо прекращать, он два раза только за этот год подавал предложения о полномасштабной операции зачистки, но кто теперь об этом вспомнит?! Кто-то должен ответить – и ответственным сделают именно его.

А что произошло с североамериканским разведчиком?! Один придурок на РЛС, второй придурок за штурвалом самолета, и вот итог – янки просто взбесились и требуют крови тех, кто это сделал! И все уже забыли, что «Леди дракон» пролетал над ними не просто так, он пролетал, чтобы шпионить, и за ними тоже!

Король зашевелился у стены. Генерал молча ждал, потирая кулак.

– Что ... – Король растерянно залепетал по-английски, на языке, который он знал с детства.

– А то, что принц в плену у русских!

– Это не так. Этого не может быть! Мне доложили, что их зажали в одном из ущелий!

– Принц – В – Плену – У – Русских! – отдельно произнес

британский генерал. – Понял, сукин ты сын?!

Король был так жалок, так не похож на короля, что генерал брезгливо протянул ему руку, помог подняться.

– Те, кто мне врал, будут повешены! – заявил король. Новость так его потрясла, что он сразу забыл про нанесенное ему оскорбление.

– Какая разница?! Это ничего не изменит! Ее Величество просто забудет о вашей гребаной стране, словно ее никогда и не было. Каждый раз, когда в Генеральном штабе будет произноситься слово «Афганистан», все сразу станут вспоминать о пощечине от русских! Вы будете хуже, чем чума, вот что!

Короля пробил холодный пот – сразу же. Хуже этого ничего не могло быть. Как только станет известно, что британцы отказались от него, его свергнет собственная гвардия или армия. Потому что они повязаны между собой – и они все повязаны перед британцами. Если узнают, что он негоден британцам, ему отрежут голову и посадят на трон другого монарха, который британцам будет угоден. И он ничего не сможет сделать. Его надежда и вторая опора в этой жизни – брат, принц Акмаль, руководитель Джелалабадского синдиката, под началом которого были крупные отряды боевиков наркомафии и который мог устроить британцам неприятности не только в Афганистане, но и в Индии, погиб под русскими бомбами во время налета на Джелалабад. Оставшиеся в живых после удара вакуумными бомбами по рынку с

остервенением схватились друг с другом, в кровавых стычках оспаривая осиротевший трон короля героина. Никто даже не подумал обратиться за советом к Его Величеству. А так недалеко и до мятежа.

– Что же делать? – растерянно произнес король.

– Что делать?! – Генерал дышал, как загнанная лошадь. – Я сам думал об этом всю ночь! Надо объявить джихад русским! Собрать Лойя Джирга²⁹ и объявить джихад!

– Но зачем, о Аллах?! – вскричал король. – Русские нанесут еще один удар, куда более сильный, вот все, что будет!

– Если начнется война с Россией, большая или ограниченная, – неважно, нас никто не посмеет сменить. Это единственный шанс для вас и для меня! Когда начнется война – прошлое забудут!

Король вышел из модуля через час, генерал шел следом. На левой скуле короля наливался синяк, но никто не посмел обратить на это внимание. Британские офицеры с одной стороны и королевские гвардейцы с другой окружили модуль. И король, и генерал были довольны, они совершили обычный для таких визитов ритуал – встав так, чтобы их все видели, они соединили руки в рукопожатии. Все – и британцы, и афганцы – должны видеть нерушимость британо-афганской дружбы. В числе британских офицеров был кино-

²⁹ Лойя Джирга – собрание вождей всех племен Афганистана, высший орган власти страны. Говоря это, британский генерал обнаруживает свое невежество и незнание местной обстановки. Священную войну – джихад – имеют право объявлять только авторитетные мусульманские богословы, но никак не Лойя Джирга.

хроникер, он запечатлевал происходящее на полупрофессиональную видеокамеру.

И тут один из офицеров королевской гвардии со знаками различия полковника на мундире достал пистолет и выстрелил – раз, затем еще раз. Первый выстрел был предельно точен – крупнокалиберная пуля разнесла голову короля, войдя в нее чуть выше уха, кровь, мозг, осколки кости брызнули на стену модуля, покрывая ее чудовищным бело-красным узором.

Генерал отреагировал вовремя, он был профессионалом, долго служил в опасных местах и всегда носил с собой оружие. Его револьвер – большой, старый «Веблей-Фосбери» с рукояткой из африканского черного дерева – покоился в открытой кобуре, нужно было только выхватить его, развернуться и встретить опасность лицом к лицу. Но правая рука генерала была занята, уже мертвый афганский монарх сжимал ее стальной хваткой. Генерал чуть развернулся, левой рукой пытаясь нащупать рукоять револьвера, но при этом неуклюжем движении он потерял две секунды. А больше времени у него и не оставалось.

* * *

...Жаль, что подобные моменты коротки... Хотелось бы, чтоб они длились вечность – момент торжества праведности над беззаконием, добра – над злом...

Вечности – над сиюминутным.

Все прошло даже лучше, чем он предполагал. В Гвардии все наблюдали за всеми, и он боялся, что кто-нибудь из офицеров заметит, прочтет, поймет его нетерпение и радость, прочтает его мысли и встанет у него на пути. Но прав Коран – только всеведущему Аллаху дано читать в душах людей, людям, а тем более грешникам, этого не дано. Офицеры окружили модуль, он сам расставил их и встал напротив выхода – он всегда так делал, да никто и не осмелился бы оспорить решение старшего группы охраны. Потом из модуля вышли британские офицеры, сгрудились около соседнего, закурили, переговариваясь и ехидно посматривая на афганцев. Британцы всегда считали афганцев какими-то недоразвитыми, спустившимися с гор, даже не совсем людьми, и то, сколько сынов Британии упокоилось навеки в этих враждебных, плюющихся смертью горах, не изменило их мнения. Раньше он с едва сдерживаемым гневом переносил такие взгляды, но сейчас ему было все равно. Жалкие людишки с жалкими страстишками, неверные, не ведающие о том, что Аллах сегодня даст им возможность стать свидетелями того, как руками одного-единственного праведника вершится история...

Он понял, что произошло в модуле, – отчетливо понял, так, словно Аллах шепнул ему на ухо. Он не удивился – король был жалок и труслив, а поэтому жесток. Он никогда и никого не помиловал, он приказывал казнить – вешать, от-

рубать головы, расстреливать, забивать женщин камнями – именно потому, что хотел скрыть лик слабости за маской жестокости. Он убивал, чтобы не быть убитым самому. И точно так же он пресмыкался перед британцами, ведя себя не как король Афганистана, а как полковник британской армии, звание, которое ему было брошено, словно медная монета сидящему у мечети нищему.

Потом они вышли – и полковник в последний раз сделал сердцем ду’а, о ниспослании прощения ему и удачи братьям в деле джихада. Воины джихада обязаны совершать намаз, но он не был воином джихада, более того, он был хашишином, а хашишины³⁰, те, кто идет на смерть во имя солнцеликого Аллаха, имеют право совершать намаз в любое время или не совершать его вовсе. Он не рискнул – он заступил на дежурство во дворце, а во дворце даже стены имеют уши. Когда он предстанет перед Аллахом – Аллах простит его за это, ведь Аллах – прощающий, кроткий.

Они о чем-то говорили, король и неверный, – а он выжидал, хотя нервы были на пределе. Его черед настал, когда король и генерал пожали друг другу руки – и застыли в лицемерной позе, дабы хроникер успел их запечатлеть. И вот тогда-то полковник выхватил из кобуры свой «Веблей-1911» и выстрелил. Первый раз он выстрелил в короля, пистолет

³⁰ Хашишины, или ассасины, они же «люди старца горы», – древняя мусульманская секта убийц, фактически одна из первых террористических организаций. Слово «хашишин» имеет корень «хашиш», «гашиш» – потому что вовлеченным в эту секту давали гашиш, чтобы они увидели своими глазами рай.

давал очень жесткую отдачу из-за крупного калибра, а он целил в голову, потому что не знал, надел король в этот раз бронежилет или нет. С ликованием в душе увидев, как разлетается от удара пули голова короля – со стороны это походило на то, будто у короля возник нежно-розовый нимб над головой, – он чуть повернул корпус, чтобы стрелять в генерала. Генерал понял, что к чему, неверный был опытен и опасен, но его правая рука была заблокирована, он изогнулся немыслимым образом, пытаясь левой рукой вырвать пистолет из кобуры на правом боку. Полковник выстрелил еще один раз, целясь чуть ниже, и насладился зрелищем того, как крупнокалиберная пуля вошла рыжему бородачу в шею и во все стороны брызнула ярко-алая кровь, а сам генерал британской армии МакДжинти начал падать. Он падал медленно, завораживающе медленно – так падает подрубленный лесорубами столетний дуб.

Вот и все.

Он сделал свою работу, он выполнил свое предназначение в жизни. От его руки пало бесчисленно праведников и лишь двое грешников – но таких, что это окупит все и позволит ему взглянуть в глаза Всепрощающего, когда он совсем скоро предстанет перед ним. Он выполнил свой долг перед Аллахом и перед своим народом, он освободил их от диктатора и тирана, он принес очистительную жертву – а дальше все в руках Аллаха. Ему теперь остается лишь безропотно принять шахаду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.